

ФЛЕРДОРАНЖ – АРОМАТ ТРАУРА

по следам
громких дел

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Детектив-триллер

Татьяна Степанова

Флердоранж - аромат траура

«ЭКСМО»

2008

Степанова Т. Ю.

Флердоранж - аромат траура / Т. Ю. Степанова — «Эксмо»,
2008 — (Детектив-триллер)

ISBN 978-5-699-29544-9

Почему на этом огромном поле, где мирно колосится рожь, людей охватывает первобытный ужас? Почему именно на нем нашли расчлененное тело бизнесмена, а год спустя напали на молодоженов и зверски убили счастливого мужа? Что заставляет приходить сюда модного живописца, участкового милиционера, бывшего солдата-наемника? Загадка этого поля, о котором ходит столько мрачных слухов, мучает всех окрестных жителей. А сотрудницу пресс-центра УВД Катю Петровскую и начальника «убойного» отдела Никиту Колосова сюда приводит служебный долг. Им предстоит разобраться, где кончаются легенды и начинаются пусть и страшные, но факты...

ISBN 978-5-699-29544-9

© Степанова Т. Ю., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	28
Глава 5	39
Глава 6	41
Глава 7	45
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Татьяна СТЕПАНОВА

ФЛЕРДОРАНЖ – АРОМАТ ТРАУРА

Пролог

*...Я слышал, это место у вас нечистое.
Иван Тургенев. Бежин луг*

Старенький «Икарус», напрягая мотор, из последних сил преодолевал подъем на крутой холм. В кабине водителя играло радио. Но никто из пассажиров его не слушал. Салон был почти пуст – рейс был дневной, к тому же не столичный, а ясногорский. В июне в разгар сенокоса среди местных жителей ажиотажа на этот рейс не наблюдалось.

– Слышь, пацан, ты там заснул, что ли? Тебе выходить. Сейчас Борщовка как раз будет, только с холма спустимся. Слышь, нет? Уши-то открой, ишь законопатил... Я ведь с тобой разговариваю. Тебя кто в Борщовке встречает? – водитель, поглядывая в зеркало, обращался к сидевшему на переднем сиденье десятилетнему мальчугану, полному и краснощекому – то ли от духоты в салоне, то ли от избытка здоровья.

Мальчик небрежно раскинулся на сиденье, облокотясь на плотно набитый рюкзак, и с упоением слушал плеер через наушники, то и дело в такт гремящему техно толкая бок рюкзака маленьким пухлым кулачком. Он ехал один, без взрослых. В Ясногорске на автовокзале его посадил в автобус старший брат, попросивший водителя довезти мальчика до остановки Борщовка.

– На деревню к дедушке, что ли, едешь-то? На каникулы? – поинтересовался, приглушая радио, водитель.

– К бабуле, – мальчик тоже выключил свой плеер, снял наушники и тут же приклеился к окну. – Ух ты, видали, какой крутой! – он проводил восхищенным взглядом промчавшийся навстречу «Икарусу» черный пыльный «БМВ». – Щас как даст в разгончик сто сорок...

– Значит, бабуля тебя в Борщовке встречает? – спросил водитель.

– Ну!

– Баранки гну, ты как со старшими, шкет, разговариваешь?

– Нормально, а что вы все ко мне пристааете?

– Как это что? Сейчас остановка через пару минут. Не могу же я тебя одного посреди дороги бросить? До твоей Борщовки от шоссе еще добрых километра два топать.

– А нам не в саму Борщовку, дяденька, – мальчуган потянул за лямки рюкзак. – Нам с бабулей в Татарское надо. Только ведь автобусы туда все равно не ходят.

Водитель только головой покачал: ишь ты какой осведомленный. Дорога пошла под уклон. Внизу в лощине, окруженной со всех сторон холмами, раскинулись поля, разделенные островами хвойного леса. Над ржаным полем, уходившим направо от шоссе широким желтым полотном к самому горизонту, низко кружили черные птицы.

Мальчик, занятый своим рюкзаком и плеером, увидел их в окно автобуса. Но не обратил никакого внимания. Водитель тоже заметил птиц.

– Воронья-то, воронья... Откуда только взялось. Прямо туча... – пробормотал он.

«Икарус» проехал ржаное поле, шоссе штопором ввинтилось в сумрачный, пышущий полуденным жаром и смолистой хвоей бор. И водитель тут же позабыл про кружившую в небе воронью стаю.

– Борщовка. Следующая остановка Глубокое, – объявил он своим немногочисленным пассажирам. Никто, кроме мальчика, в Борщовке не выходил. Пассажиры дремали. Закинув на

спину рюкзак, мальчуган бойко выпрыгнул из автобуса. Водитель наблюдал за ним в зеркало, медля закрывать двери автобуса. Что-то словно удерживало его, не позволяя уезжать, оставляя ребенка одного. Маленькая детская фигурка на пустынной дороге...

Водитель вытер со лба капли пота – ну и жара. И это только первый месяц лета. Что же будет в августе? Он снова заглянул в боковое зеркало и увидел теперь рядом с мальчиком пожилую женщину в мешковатом летнем платье из темного ситца в белый горошек и линялой панаме. Бабушка и внук обнимались, явно радуясь встрече. Водитель закрыл двери. Все в порядке. Теперь можно ехать дальше.

Он видел их обоих в зеркало. Они шли рядом – пожилая женщина и ребенок, – оживленно разговаривали, смеялись, жестикулировали. Но их голоса заглушал гул мотора. А проселочная дорога к Татарскому уходила от шоссе в поля. Через четверть часа автобус прибыл на конечную остановку в Славянолужское. И больше они никогда не встречались. Водитель «Икаруса» так и не узнал, что мальчика звали Денис, а пожилая женщина была местная учительница Вера Тихоновна Брусникина.

Было ровно час пополудни, а они не прошли до Татарского еще и половины пути.

– Дениска, подожди. Не беги так быстро. Я за тобой не поспеваю... И рюкзак дай-ка мне. – Вера Тихоновна протянула руку, тщетно пытаясь удержать расшалившегося внука подле себя.

– Я сам, он не тяжелый. Ба, зверски пить хочется!

– Терпи до дома. Скоро уже придем. Там обедать будем. Чай пить с вареньем... Я ведь тебя с раннего утра сегодня жду. Крыжовника набрала целое блюдо. Только он зеленый еще. Не поспел. Да ты, помнится, такой как раз больше любишь, кисленький... – Вера Тихоновна от жары и быстрой ходьбы тяжело дышала. – После обеда поспишь, и на речку пойдем купаться.

– Ба, а велик мой цел?

– Цел твой велик, я соседского сынка Генку Бочарова вчера позвала смазать его да шины подкачать. Да не убегай ты от меня далеко, стой!

– Это хлеб так растет, да? – Денис показал на подступавшие к дороге колосья.

– Это рожь. Зреет. Зернышки видишь какие у нее, наливаются. А ты все уже забыл? Помнишь, я тебя учила злаки различать? Овес, гречиху, пшеницу.

– У меня по ботанике во всех четвертях тройбан.

– А тут нечем хвастаться, милый мой.

– А я и не хвастаюсь. – Денис вздохнул. – Просто говорю... Ой, у меня майка совсем взмокла!

– Сильно вспотел? Давай передохнем, постоим, – Вера Тихоновна остановилась, сняла со спины внука рюкзак и поставила его на землю. Огляделась.

Кругом не было ни души. Пыльная лента проселочной дороги петляла в высокой ржи. Вдали темнела полоса Лигушина леса. На фоне желтого поля и бледно-голубого солнечного неба деревья казались темными, словно на густую зелень легла чья-то гигантская тень. За Лигушиным лесом катила свои ленивые теплые воды речка Славянка. Но отсюда, с проселка, ее не было видно. Зато с реки повеяло свежим ветром – по полю, словно по морю, плыли золотистые волны. Сонную полуденную тишину не нарушал ни один звук. Только басовито жужжали мухи – так, словно где-то во ржи собрался их целый рой. Что-то манило их, привлекая все новых и новых...

Солнце слепило Денису глаза. Он приложил руку козырьком ко лбу. Поле было похоже на желтое огромное одеяло. И видимо-невидимо высоких гибких колосьев с колкими усиками и зернами, которые до срока – пальцы заболят – никак не выковырнешь. Вдали среди мерно колышущихся под легким ветром ржаных волн медленно двигалось что-то. Появилось и снова пропало. И вновь возникло. Что-то темное, странно выделяющееся на фоне безмятежного желто-голубого пейзажа.

Денис напряг зрение, стараясь рассмотреть, что же это такое, но солнце било прямо в глаза. А то, что было вдали или, возможно, лишь казалось там, среди волнующихся под ветром колосьев, снова исчезло. А потом опять появилось. И вроде стало приближаться к дороге.

– Бабуля, а что там? Во-он там. – Денис, чувствуя какое-то непривычное смутное беспокойство, обернулся, показывая вдаль.

– Где?

– Там, в хлебе... Там что, кто-то прячется?

– Кто там может прятаться? – Вера Тихоновна из-под ладони тоже пристально смотрела на волнующуюся рожь. Но из-за солнца ничего толком разглядеть не удавалось. Да и глаза уже были не те...

– Ты что там видел? – спросила она внука.

– Не знаю. Я... – Денис смотрел на нее. – Ба, ты что?

– Давай-ка рюкзак, дай мне руку, пойдем.

– Но мы же хотели отдохнуть.

– Уже отдохнули. Пойдем скорее. – Вера Тихоновна, крепко взяв внука за руку, быстро зашагала по дороге.

Колосья тихо шуршали под ветром. Солнце пекло. Гудели мухи...

– Идем быстрее, – Вера Тихоновна, часто тревожно оглядываясь через плечо, тащила мальчика за собой. – Сейчас уже ферма будет, а там и до дома рукой подать. И не прятался там никто во ржи, что ты... Это просто тень от столба... никого там не было... Никто нас с тобой не догонит...

Они уходили быстро, и голоса их постепенно стихали. И вот уже совсем стихли за поворотом. Над полем снова повисла душная давящая тишина. Высокая рожь стеной подступала к дороге. И эта желтая стена казалась такой плотной, такой непроницаемой.

А в глубине поля рожь на небольшом пятачке была смята, местами даже вырвана с корнем. Изломанные, изуродованные колосья покрывали темно-бурые пятна, запекшиеся на солнце. На земле была лужа, а возле нее валялось то, что привлекало и мух, и ворон, которые стаями кружили в знойном полуденном небе.

Глава 1

ЖЕНИХ И НЕВЕСТА

Год и семь дней спустя

Когда мечты сбываются, это не всегда конец истории, а порой только ее начало. Потому что счастье все так же призрачно и недостижимо. И нет никакого покоя в вашем бедном сердце – одна лишь тревога, лихорадочное ожидание, надежда на чудо, хотя... Какие чудеса могут быть впереди, когда ваше самое заветное, самое жгучее желание уже исполнилось?

Полина Чибисова в свои двадцать лет страстно желала выйти замуж. Сколько раз грезились ей блистательные атрибуты хрустальной мечты – обручальные кольца, белые розы, накрытые свадебные столы, ослепительное платье, купленное в Москве в модном салоне на Тверской, торжественное венчание в церкви после загса. В той самой церкви – заново отреставрированной и расписанной, куда ее отец Михаил Петрович Чибисов в прошлом году пожертвовал колокола. Черный парадный лимузин с белыми сиденьями, примчавшийся прямо из голливудского фильма, и поцелуй под оглушительное «горько!» гостей.

– Горько!

Мечта сбылась. Это кричали ей, Полине. Она была невестой на собственной свадьбе, а рядом с нею был ее жених, а теперь, после загса и венчания, наверное, законный муж Артем Хвощев. Он положил руку на ее плечо, улыбнулся радостно и тревожно одними глазами:

– Ну что? Как, а?

И Полина послушно поднялась. Артем был рядом, совсем близко. Она читала по его лицу – он горд уже тем, что они стоят вот так, на виду у всех, что он обнимает ее и...

– Горько! Горько, ребята, дорогие наши, горько!

Полина закрыла глаза, чувствуя губы Артема на своих губах. Свадебный поцелуй. Соль вашей заветной мечты.

Соль...

– Ты что, Полинка? Ты плачешь, что ли? – Артем не отпускал ее, заглядывая в лицо. – Как ребенок... Или я не так что-то сделал?

– Нет, нет, ничего, это просто... вдруг что-то накатило на меня. Все хорошо, Артем. Все просто отлично. Отпусти, я... зеркальце достану...

– Смутилась? Сму-у-тилась моя дочура, красавица моя зарумянилась, как роза. Тут свадьба твоя, доченька. А мы тебя все любим. Счастья все тебе желаем. Большого, крепкого счастья тебе и Артему...

Полина сквозь гул оживленных голосов гостей слышала голос отца. Отец был уже сильно навеселе. Но Полина знала: и пьяный и трезвый он любит ее больше всего на свете. И так будет всегда. Она села на свое место. Надо же, какими длинными, просто бесконечными бывают, оказывается, эти свадебные торжества. Банкет устроили на открытом воздухе. Столы под парусиновыми тентами по желанию Михаила Петровича накрыли на высоком живописном берегу Славянки. Официантов и поваров отец пригласил из Москвы, из ресторана на Арбате. Дизайнер-декоратор и флорист были тоже из Москвы. Все это стоило немалых денег, но отец и свекор денег на свадьбу не пожалели.

Полина знала, что ее брак с Артемом Хвощевым был давней и тоже заветной мечтой ее отца Михаила Петровича. Артем был единственным сыном старого друга Михаила Петровича Антона Анатольевича Хвощева, которого Полина с самого детства называла не иначе как дядей Тошей.

Самого свекра за свадебным столом не было. Антон Анатольевич Хвощев вот уже четвертый месяц лежал в больнице. Полина и Артем звонили ему в его персональную палату по мобильному телефону прямо из загса. Он поздравил их, пожелал счастья. Но голос его был таким слабым и таким отрешенным, что сердце Полины тревожно сжалось. Он любила дядю Тошу и очень боялась, что он умрет.

Артема она тоже знала с раннего детства. Они дружили. И в пятнадцать-шестнадцать лет Полине казалось, что Артем – единственный, с кем ей всегда весело и легко, с кем можно и поспорить, и посмеяться, и потрепаться всласть, и посплетничать о том, о сем. И вдруг все изменилось в одночасье.

Полина разглядывала гостей. Возле нее стоял официант, подливал в их с Артемом бокалы шампанское. Полина желала только одного: чтобы этот официант колдовал над их бокалами и тарелками как можно дольше – он загораживал ее от всех, и из-за его накрахмаленного плеча, точно из укрытия, не выдавая себя ни вздохом, ни намеком, можно было неотрывно смотреть на...

Полина почувствовала, как непрошенные предательские слезы снова наворачиваются на глаза. *Он* был так далеко! А ведь должен был сидеть здесь, рядом, на месте Артема. *Он* пил шампанское, шутил, ел, смеялся. Веселился на ее свадьбе, вел себя как ни в чем не бывало и был всего лишь гостем, а не главным виновником торжества.

Рядом с ним сидел его друг и приятель Константин Туманов – как всегда спокойный и невозмутимый. И Галина Островская тоже была – глушила шампанское фужер за фужером, кривлялась, точно ожившая мумия, сыпала парадоксами, стреляла глазами, флиртовала. Полина из-за плеча официанта с болью в сердце следила, как она наклоняется к *нему*, что-то шепчет ему на ухо, призывно залиvisto ржет, запрокидываясь назад, как норовистая лошадь... Как она смеет дотрагиваться до *него*! Старая мымра, алкоголичка...

– Саша, Сашенька дорогой, тебе слово, пожелай что-нибудь молодым!

Полина услышала голос отца и почувствовала, как вся кровь ее прихлынула к щекам и сердцу. Отец громогласно, через весь стол обращался к *нему*. Полина опустила глаза, сосредоточив все свое внимание на пышном букете белых пионов, подобранных столичным флористом с редким вкусом. Пионы испускали тонкий сладкий аромат. Полина смотрела только на цветы. Не на *него*. И не на сидевшего рядом Артема.

– Полина и Артем, поздравляю вас от всего сердца. Желаю вам счастья. Любите друг друга. Будьте друг другу опорой и радостью в жизни. И детей вам желаю много-много, таких же красивых, как вы...

Он говорил это торжественно, с чувством – так всегда ораторствуют на чужих свадьбах, провозглашая тосты и здравицы после коньяка и шампанского. Полина упрямо разглядывала махровые чаши пионов в букете. Протянула руку, коснулась. Так робко и так нежно она однажды коснулась и его лица...

– Горько!

Это крикнул не *он*. К счастью, не *он*. Не то, наверное... сердце – так почудилось Полине – лопнуло бы, как воздушный шарик, улетевший слишком высоко под облака. «Горько!» – во всю силу своих молодых тренированных спортом легких крикнул Костя Туманов. У него был красивый низкий мужественный голос. Таким только команды отдавать на поле боя...

Артем поднял ее: Полина почувствовала его нетерпение. И на этот раз послушно ответила мужу на поцелуй. Все равно ведь. И назло.

Со свадебного застолья открывался великолепный вид на реку, заливные луга, дальний лес. Над лесом небо уже розовело вечерним закатом.

– С фейерверком тянуть не будем, а то к ночи вроде дождь обещали с грозой. – Полина точно во сне слышала возбужденный голос отца. – Уважаемые гости, дамы и господа. Това-

рищи! Друзья! Через несколько минут – сюрприз! Это еще не свадебный торт – торт впереди. И молодые пока еще нас не покидают, ха-ха!

Полина слышала, как отец со смехом объясняет гостям, что свадьба вполне современная, продвинутая, что называется. Брачную ночь молодые проведут одни и в дороге. Как там у Чехова? «В Москву, в Москву!» Ну конечно, куда же еще в такой момент жизни? А там ровно в шесть утра аэропорт Шереметьево, рейс на Малагу, и через какие-то три с небольшим часа – пожалуйста, Средиземное море, полная идиллия на лоне испанского побережья плюс отличный отель, где уже забронирован через надежное тур-агентство номер с видом на лазурную водную гладь.

– Хотел своего шофера с ними послать, так зятек не желает. Самостоятельный попался. – Полина слышала, как отец добродушно подсмеивается над Артемом. – И то верно, третий в такую ночь – лишний. Это точно. Ничего, сами доедут. Машина у Артема хорошая, хоть и не новая. Оставят на платной стоянке в аэропорту, а кто-нибудь из моих утром приедет, назад перегонит. Верно я рассуждаю, Артем?

– Верно, дядя Миша, – Артем, отвечая тестю, заглянул Полине в глаза, словно спрашивая: так?

– Полинку мою, смотри, береги, парень. Ничего дороже ее у меня нет и не было. Кроме вас двоих, никого у меня нет, ребята...

Полина почувствовала, как Артем крепко, почти до боли сжал ей руку. Она знала: он сильно волнуется, переживает и ждет. В сущности, в свои двадцать три года он еще мальчишка. Пусть и воображает, порой даже хвастается своими победами среди однокурсниц, а когда доходит до главного – смущается. Целуется неумело и жадно, и так, словно она, Полина, крепкий коктейль, который пьют не через соломинку, а опрокидывают в себя залпом, в один присест.

– Пойдем-ка танцевать, муж, – сказала она Артему. Он засмеялся и поцеловал ее – метил, конечно, в губы, но почему-то попал в ухо.

В вечернее небо с треском и шипением взлетали одна за другой серебристые ракеты, громко взрывались петарды. На лугу играл приглашенный из Москвы оркестр, подвыпившие шумные гости танцевали среди огней праздничной иллюминации. В пестрой толпе танцующих Полина все время искала глазами *его*. Но *он* не танцевал. Сидел за столом с другом Тумановым и Островской. Та, как отметила Полина, была уже почти совсем пьяная: что-то громко декламировала – какие-то стихи, бурно жестикулировала жилистыми загорелыми руками, на которых словно кандалы звякали чеканные металлические браслеты.

А потом Полина увидела, как к *нему* томно и хищно подкралась рыжая Лиз – личный секретарь отца. Улыбнулась, вильнула бедрами, повела точеными хрупкими плечами, демонстрируя декольте, и властно увлекла *его* за собой в толпу танцевать. Она была весела от шампанского и очень изящна и пластична в танце. Глаза ее сияли, манили, обещали все на свете – возможное и невозможное. Она вообще была очень яркой – эта рыжая Лиз. И все мужчины, даже отец, смотрели на нее так, словно она была уже раздета и ждала их в постели.

– Скоро мы поедем? – спросила Полина Артема.

– Ровно в полночь. Как в сказке – с бала на корабль, – он обнимал ее, крепко прижимая к себе, но танцевал скованно. – Я сам жду не дождусь... И мне все не верится даже, честное слово...

– Что не верится? – Полина смотрела в его лицо, стараясь найти в нем хоть черточку от того, другого, бесконечно дорогого и любимого лица.

– Ну, что ты – вот, и ты моя жена, – Артем покачал головой. – Надо же... И это так классно, что через какой-то час-два мы уедем. Отец отлично все устроил с этим туром в Испанию. Ты что опять, Полин, что с тобой?

– Я все время думаю, как он там? Твой отец?

Лицо Артема сразу словно погасло. Когда речь заходила о том проклятом несчастье и нынешней болезни и беспомощности его отца, Антона Анатольевича Хвощева, он замыкался в себе.

– Как только вернемся из Испании, сразу же поедem к нему в больницу, – решительно сказала Полина. – Я бы сегодня поехала, прямо сейчас.

– Нет, нет, я не хочу, – Артем, словно испугался чего-то. – Только не сегодня...

– Артем, ты позволишь пригласить твою жену?

Полина судорожно прижалась к мужу – ноги ее вдруг стали как ватные. Рядом с ними был он. Он обращался к Артему.

– Александр Андреевич, конечно, – Артем заулыбался, однако улыбка его была немного фальшивой. Он отстранился от Полины. – Спасибо, что пришли к нам сегодня.

Полина выпрямилась. Александр был выше Артема на целую голову. И гораздо шире в плечах, крупнее, сильнее. Он был старше. У нее с ним была разница почти в пятнадцать лет. Однажды он сказал ей, что это очень, очень много – половина сознательной жизни. И почти вся юность. А она тогда не понимала, как он может ей вот так спокойно говорить это. Ведь в свои двадцать лет она днем и ночью страстно, болезненно мечтала о браке именно с ним, с этим человеком.

И формально, во всех мелочах, от обручальных колец до венчания под звон колоколов, мечта ее полностью сбылась. Только вот не он стал ее мужем. Он ее не взял за себя. Не захотел.

– Александр, извините, – Полина собрала все свои силы, всю себя крепко, очень крепко в горсть, в кулак, – но сегодня я танцую только с Артемом.

Она видела, как он шутливо улыбнулся, развел руками – что ж, ничего не попишешь. Артем, гордый до невозможности, приподнял ее, закружил. В небе с треском и шипением распустился новый огненный цветок кустарного китайского фейерверка. И ему нехотя и ворчливо ответил с юга далекий громовой раскат.

– Ночью будет гроза! – объявил кто-то из гостей громко и весело. – Дамы, признайтесь честно, кто купался в речке ночью в грозу? Что, никто не купался? Это ж чистейший кайф, дамы, милые... Ни с каким джакузи и сравнить нельзя. Суперэкстрим!

Как водится, в назначенный час они не уехали. Пока прощались с гостями, выслушивая пожелания, напутствия, игривые советы, пока пили шампанское «на посошок», целовались, обнимались – время приблизилось к половине второго. Наконец сборы-проводы были закончены. Невесту усадили в машину, жених сел за руль и...

– Папочка, мы тебе из аэропорта позвоним! – пылко пообещала Полина отцу.

– Михаил Петрович, не волнуйтесь за нас! – крикнул Артем, нажал на газ, и его юркий внедорожник «Судзуки» сорвался с места – на свободу, в большую, абсолютно взрослую супружескую жизнь.

Вскоре огни иллюминации, столы под тентами, джаз на лужайке остались далеко позади. Ночь окутала дорогу. Здесь не было фонарей, а звезды скрыли затянувшие небо облака.

– Точно, ливень будет, – сказал Артем. – Гроза с юга идет. От наших-то еле отвязались, а? Полиныч, ну что ты все в окно да в окно? Я ведь не там, я здесь... Регистрация у нас на рейс во сколько, с пяти?

– Да, – Полина расправила на коленях складки подвенечного платья, думая о том, где удобнее его снять – здесь, на ночной дороге, или в туалете аэропорта?

– Ну! А сейчас только два часа. Доберемся до Москвы тоже за два, остается еще уйма времени.

– Для чего? – спросила Полина.

Артем засмеялся, резко нажал на тормоз, обнял ее, притянув к себе, целуя ее волосы, шею, губы.

– Я до Испании вашей не дотерплю, умру, – шептал он ей на ухо. – Съедem с дороги, а?

Он лихорадочно крутил руль. Старенький «Судзуки», как лягушенция, прыгал по кочкам и колдобинам пыльного проселка – развернулся, рыча мотором, и начал углубляться от шоссе в поля. Полине, оглянувшейся назад, померещилось, что вдалеке тускло сверкнули фары чьей-то машины. Но дорога вильнула вбок, и стена высокой ржи заслонила все, кроме темного небесного купола над головой.

– Я всегда хотел, чтобы у нас с тобой первый раз было вот так, – жарко шептал Артем. – Не где-то на хате съемной, не в гостинице, не дома, а вот так, круто, когда кругом только голый космос, Вселенная и мы вдвоем...

Он дернул рычаг, опуская сиденье. Полина молчала. Это должно было случиться, раз он стал ее мужем. Так не все ли равно, когда это произойдет – сейчас в поле среди ветра, мрака и ржи или в аккуратном номере чужого отеля? Артем опустил стекла – ночь окутала их прохладой и тишиной, словно сотканной из миллиона таинственных шорохов и звуков. Полина слышала стрекот цикад, шелест листвы. Она чувствовала, как ночь и тишина обволакивают их, как нежная крепкая паутина, соединяя, сплетая...

Артем, путаясь в застежках, уже освобождал ее от подвенечного платья. Он сбросил пиджак. Расстегнул рывком рубашку, и она сейчас была похожа на белый парус или флаг...

Полина протянула руки и медленно высвободила из-под этого паруса торс мужа. Артем был худощавый, тело его было по-мальчишески угловатым и хрупким. Артем приник губами к ее губам. Полина обняла его и...

– Что это? – она вздрогнула. – Ты слышал? Ты это слышал? – Она напряженно вглядывалась в темноту, окружавшую их машину.

– Здесь никого нет. Все спят, мы одни, – Артем пытался удержать ее. – Это, наверное, ветер или, может, птица... Ты сама мне говорила, что на старой колокольне гнездятся совы. Мы одни, никого, кроме нас, на свете нет... И я тебя люблю...

Полина почувствовала, что не может более сдерживать его и сдерживаться сама. Зачем сопротивляться, терзаться, жалеть. Она уже вышла замуж, мечта сбылась. Артем ее муж. Так вышло. Наверное, это судьба. Тело Артема оказалось, несмотря на всю его худощавость, тяжелым. Он так старался, так ласкал ее, но глаза Полины не видели ничего, кроме темноты.

И вдруг... Все произошло в какое-то мгновение – раздался оглушительный грохот, скрежет металла и звон разбитого вдребезги лобового стекла, по которому что-то ударило мощно и страшно. Сверкнула молния, и совсем близко, почти над самой головой Полины, ахнул раскат грома. И в его грохоте потонул дикий животный вопль боли. Полина с ужасом поняла, что это кричит Артем, и одновременно почувствовала, как что-то горячее и липкое заливает ей голую грудь и лицо. Артема могучим рывком сорвало с нее и выбросило вон из машины. Он истошно кричал. И вдруг его крик оборвался. Полина сжалась в комок, боясь пошевелиться. Сама мысль о том, чтобы приподняться и посмотреть, что там происходит с Артемом в этой непроницаемой тьме, была нестерпима, невозможна, ужасна. Первые капли дождя гулко забарабанили по крыше машины, заливая через выбитое лобовое стекло салон. Полина не могла даже кричать, звать на помощь – горло ее точно натуго захлестнула петля. А потом она услышала, как к шуму дождя примешиваются какие-то странные звуки – и они приближались. Мрак сгустился, принимая очертания еще более темной, плотной, осязаемой тени. Что-то через выбитое лобовое стекло заглянуло в салон, и Полина, дико вскрикнув от ужаса, потеряла сознание.

Глава 2

СОН

Сильный порыв ветра поднял красные лепестки, закружил, завертел, и в руках у Кати осталась маковая лысая головка. Когда вы обрываете лепестки мака, ваши пальцы становятся липкими от его млечного сока.

А маков кругом видимо-невидимо... То там, то тут среди высоких желтых колосьев мелькнет алое пятно – красное на желтом до самого горизонта.

Катя наклоняется и срывает новый цветок. Она ходит по полю и собирает маки. Она видит себя словно со стороны – так отчетливо, ясно. Видит и свою тень – она движется по земле, то увеличиваясь, то уменьшаясь, и внезапно соприкасается с чужой тенью.

Катя стремительно оборачивается, и... никого рядом. Только ветер кружит маковые лепестки, превращаясь в маленький тугой смерч. Катя смотрит себе под ноги – вот ее тень. А вот, совсем рядом, чья-то другая. И эта чужая тень, извиваясь, стелясь по земле, медленно подползает и вдруг резким рывком выбрасывает вперед цепкую хищную руку со скрюченными пальцами и...

Сердце Кати вот-вот выскочит из груди. Она бежит, не разбирая дороги, не глядя под ноги, бежит сломя голову из последних сил. Ноги путаются в желтых сухих стеблях, что-то больно бьет по лицу – резкий колючий ветер или тугие колосья. Задышавшись, Катя останавливается. Кругом царит мертвая тишина. Катя оглядывается: стена желтых спутанных стеблей окружает ее со всех сторон. Ничего не видно, кроме клочка белесого знойного неба над головой. Вдруг тишину нарушает шорох, словно кто-то невидимый, но близкий медленно и упорно прокладывает себе в этих зарослях дорогу, преследуя, не отставая ни на шаг.

Катя видит, как колышутся сухие метелки травы. Что-то движется к ней оттуда, из зарослей. Она пятится, спотыкается, вскрикивает, падает и... просыпается.

В комнате серый утренний сумрак. Подушка съехала, простыня сбилась. А рядом (слава богу!) само воплощение критического материализма – муж Вадим Кравченко, чаще именуемый на домашнем жаргоне «драгоценным В.А.» – полуразбуженный, полусонный.

– Шер ами? Это опять вы? – Он приподнимает с подушки взлохмаченную голову. – А сколько... сколько же сейчас времени?

Катя не отвечает: сон все еще не отпускает ее. Сердце колотится.

– Полседьмого?! Ах да, – Кравченко смотрит на часы, зевает. – Ох, маманя моя, вставать пора, опять на работу... Кать, да что с тобой?

– Сон приснился, – Катя отворачивается, прячась в подушку, как в норку, – мерзкий.

– Про что? – осведомляется Кравченко. – Если про покойников, то уже в руку, к перемене погоды. Ночью такая грозища была. Я в четыре вставал, балкон закрывал, чтобы нас не залило.

– А я не слышала грозы.

– Конечно, не слышала, ты, солнце мое, спала – из пушки не разбудишь.

Катя только вздыхает, прижимается к нему – все-то он выдумывает, драгоценный. Вчера они легли поздно, а уснули еще позже. Вчера было воскресенье. Они провели его за городом, у отца Кравченко на даче. Купались, загорали на пруду. Вечером жарили шашлыки в саду под старыми липами. В саду возвышался древний турник, висел старый гамак и круглилась выпуклая клумба, а на ней заглушенные травой многолетники – «разбитое сердце» и пунцовые турецкие гвоздики. И еще огромные маки, которые выросли сами собой из семян, взявшихся неизвестно откуда. «Драгоценный В.А.» уверял, что это не кто иной, как он закопал весной на клумбе маковую сушку, и вот она бурно вошла и зацвела назло всем указам против наркоты.

Маки могли перекочевать в кошмар с дачной клумбы. А вот поле... На даче не было полей: только лес да пруд, выплеснутый за выходные купальщиками из своих топких травяных берегов.

Кравченко лежал, повздыхал, поохал, потом, расчувствовавшись, чмокнул Катю в плечо и, наконец, оторвал себя от кровати. Через минуту он уже громыхал в лоджии гантелями и компактной штангой – самым последним своим увлечением в нелегком деле бодибилдинга. Прошрое увлечение – складной силовой тренажер – пылилось в кладовке.

– Где моя майка? – крикнул Вадим с лоджии.

– Там, – ответила Катя, закрывая глаза, чувствуя сон и усталость во всем теле. «Я же так быстро бежала, за мной гнались...»

Она вздрогнула, проснулась во второй раз и села на постели. Все чушь. Дурацкие сны.

– А я, между прочим, есть хочу! – оповестил Вадим. После душа он растирался суровым полотенцем, полируя льном свое сильное тело. – Только твои овсяные хлопья я все равно есть не буду.

«Надо вставать, – подумала Катя. – Сегодня опять понедельник. И уже почти середина лета». Кравченко раздвинул шторы, но в комнате светлее не стало. За окном было серо и пасмурно.

– Удивительно, но я правда не слышала грозы, – сказала Катя за завтраком.

– А по-моему, ничего удивительного в этом нет, – Кравченко самодовольно усмехнулся.

Катя погрозила ему пальцем – но-но! Без этого. Вчера и так легли поздно. После купания, шашлыков и бутылки «Твиши» у драгоценного буйно разыграл темперамент. Ночью было все очень хорошо. Можно было даже сказать, что Катя заснула вполне счастливой. Так отчего же под утро ей приснился этот странный кошмар?

– Ну? И чем сегодня займешься? Снова спасением мира от глобальной катастрофы? – спросил Кравченко, принимая из заботливых рук жены уже пятый бутерброд.

– У нас брифинг сегодня в одиннадцать по итогам. – Катя чувствовала, что уже твердо стоит обеими ногами в повседневной реальности. – А ты подбросишь меня до Никитского?

– До Тверской, – уточнил Кравченко, залпом допивая кофе. – А там ножками, ножками, мой зайчик. На каблучках.

Если вы работаете в милиции, но не являетесь при этом ни следователем, ни опером, ни участковым, значит, ваше место в пресс-службе. А пресс-служба весьма занятное явление в органах внутренних дел как по своему содержанию, так и по форме. В этом искренне была убеждена Катя – капитан милиции Петровская, в замужестве Кравченко (фамилия двойная, пишется через дефис на манер старинных дореволюционных Барыгиных-Амурских и Ордынских-Свиных) – криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области.

Но и форма, и содержание, и весь привычный уклад жизни пресс-службы катастрофически рушился в периоды проведения таких нервных мероприятий, как брифинги для средств массовой информации, посвященные итогам работы милиции за подотчетный период. Всякий раз на памяти Кати к каждому брифингу она и ее коллеги готовились так, как готовятся в Большом театре к очередной премьере. С самого раннего утра в здание ГУВД в Никитском переулке тек нескончаемый ручей журналистов центральных и областных изданий, телевидения и радио. Журналисты были любопытны, как дети, и недоверчивы, как судьи Конституционного суда. Они страстно жаждали сенсаций и эксклюзива, каких-то фантастических материалов, разоблачений и жареных фактов.

Но что было лукавить? Катя и сама порой страстно добивалась того же самого. Вот и на этот раз брифинг в стенах родного главка интересовал ее с чисто практической точки зрения. Ведь порой достаточно еле заметного намека от соратников по нелегкому делу борьбы с криминальным злом, чтобы осознать, что редкое, необычное, загадочное происшествие уже

стучится в вашу дверь, ожидая немедленного расследования и будущей убойной публикации на страницах «Криминального вестника Подмосковья».

Еще сутки назад Катя собиралась на брифинг с легким сердцем. Но сегодня с утра настроение было какое-то неважное. Кате вообще редко снились кошмары, но этот сегодняшний все время напоминал о себе тупой болью в висках. Чтобы как-то отвлечься, Катя начала внимательно изучать пресс-релиз брифинга, тот самый, до боли знакомый, что еще вчера сочинялся всем талантливым коллективом пресс-службы в творческих муках, то и дело озаряемых яркими вспышками поэтического вдохновения.

Среди участников брифинга в длинном, как список кораблей в «Илиаде», перечне фамилий Катя узрела и фамилию начальника отдела убийств Никиты Колосова.

Колосова Катя давно не видела. Все последнее время он был занят делом банды Шворина, совершившей в Подмосковье, Москве, Питере, Харькове и Запорожье больше десятка заказных убийств. Дело было многоэпизодным и межрегиональным. Колосов то и дело мотался то в Питер, то на Украину, несчастных жертв банды то и дело эксгумировали, потому что всплывали все новые и новые эпизоды и новые трупы. Бандит Шворин то и дело вскрывал себе вены в стенах тюрьмы и уже дважды покушался на побег, нападая с яростью затравленного животного то на конвоиров, то на следователя прокуратуры во время допроса. В результате Колосов вынужден был каждый раз присутствовать на беседах с ним лично. И Катя знала по слухам, доходившим из розыска, что он почти прописался в стенах «Матросской тишины», где и содержали бандита.

То, что в такой напряженной обстановке начальник отдела убийств выкроил полчаса для брифинга, было делом просто небывалым. Но Катя такому чуду и не верила. Ведь в пресс-релиз можно внести фамилии кого угодно – хоть министра, хоть папы римского. И это еще не значит, что пропечатанная на бумаге фамилия материализуется в нужного вам человека.

И Катя не ошиблась в своем мудром скепсисе. Брифинг начался и закончился, а начальник отдела убийств на нем так и не появился. Чего и следовало, конечно, ожидать. Однако...

Все вышло совсем не так.

Они встретились на лестнице, когда Катя уже выходила из зала после окончания брифинга. Царила обычная суета: журналисты толпились в дверях, карауля для интервью начальников криминальных служб. Телевизионщики гасили софиты, складывали громоздкие треноги, убирали камеры в чехлы.

Катя увидела Колосова: он стоял на лестнице напротив дверей, оглядывался, напряженно кого-то выискивая среди журналистов. Катя сразу почувствовала острый укол профессиональный ревности. Кого это он так нетерпеливо ждет с таким озабоченным, угрюмым и решительным видом? Неужели какого-нибудь писаку из центральной газеты? А может, у него запланировано телеинтервью для вездесущего «Розыска»?

– Катя, подожди, не уходи! Привет, я тебя все пропустить боялся в этом столпотворении. Можно тебя на пару минут? Есть разговор.

Ревность отхлынула, уступив место крайне завышенной самооценке – оказывается, Никита ждал ее. Катя готова была расцеловать его на глазах у всех – умничка, гениальный сыщик! Ну, сейчас мы из первых рук получим самую свежую информацию о сенсационных подробностях дела банды Шворина.

– Ой, Никита, привет, – расцвела Катя лстивой нежной улыбкой. – Рада тебя видеть, только вот брифинг-то уже кончился.

– Да, я опоздал. Специально из прокуратуры сегодня на час вырвался... Мне надо с тобой поговорить, – Колосов посмотрел на часы. – Ты сегодняшнюю сводку видела?

– Еще нет, – Катя придала лицу своему самое равнодушное выражение. – А что там такое?

– Убийство в Славянолужском районе.

– Это который самый дальний у нас?

– Да, который дальний. Я туда сам ночью не выезжал и вырваться в эти дни вряд ли сумею. – Колосов хмурился и явно что-то недоговаривал.

– А что там произошло? – спросила Катя.

– Там была свадьба, и потом на молодых было совершено нападение.

– Пьяная драка, что ли?

– Нет, – Колосов как-то странно смотрел на Катю. – Не пьяная драка... Убийство. Убили жениха, Хвощев его фамилия. А невеста, девчонка молодая, осталась, к счастью, жива.

– А что ты от меня хочешь? – прямо спросила Катя.

– Я хочу, чтобы ты завтра съездила в Славянолужье, потому что сам я туда ни завтра, ни послезавтра, ни на этой неделе выехать никак не смогу, – твердо сказал Никита. – Для этого я и мчался сегодня сюда, зная, что обязательно застану тебя на этой вашей гостиной.

– На брифинге? – уточнила Катя.

– Да. Ну, так что? Договорились?

– Это Славянолужье почти на границе с Тулой? – спросила робко Катя.

– Да, далеко. Почти сто семьдесят километров. К тому же убийство произошло не в самом райцентре. Тебя, если поедешь, там участковый Трубников Николай Христофорович встретит. Я с ним по телефону обо всем договорился.

– Уже договорился? – Катя даже растерялась: отступать, кажется, некуда. – А почему с участковым, а не с начальником милиции?

– А там все новые какие-то, – Колосов поморщился, – месяц как на должность назначены. В обстановку еще не вникли. А мне разжевывать некогда. Христофорыч – мужик надежный и оперативник опытный. Он тебе поможет.

– А что там все-таки случилось? – встревожилась Катя: раз он так настойчиво отправляет ее в какую-то Тмутаракань, значит, для него это очень важно.

– Я повторяю: сам я туда пока выехать никак не могу, факты знаю только понаслышке, проверить сам все тоже не имею возможности. Хочу услышать твое мнение о том, что ты там увидишь и услышишь.

Катя молчала.

– Ладно, – сказала она наконец. – Я поеду туда завтра. Во сколько твой участковый будет меня ждать?

– Ты на своей машине поедешь?

Катя тяжело вздохнула: ох, мы такие великие ездки на машинах... Еле-еле на права сдали, еле рулим.

– Выезжай как можно раньше, часов в шесть из Москвы, не то в пробку попадешь. За Домодедовом дорога уже свободная. Доедешь до указателя «деревня Журавка», там автозаправка. Трубников будет там тебя ждать с девяти часов. С начальством твоим о командировке я договорюсь сегодня же.

Катя внимала ему без особого энтузиазма. Колосов по-командирски рубил фразы. Для него этот вопрос был уже решенным. Но ведь и у нее, криминального обозревателя пресск-центра, должен быть во всей этой поездке свой собственный интерес.

– Дело-то хоть стоящее? – осторожно спросила Катя.

– Не знаю... Смотря что ты под этим подразумеваешь. Лично мне кажется, если все действительно так, то... Мы давно уже не сталкивались с чем-то подобным.

Катя тревожно посмотрела на Колосова. Если он так говорит, сам по горло занятый целой бандой убийц, то...

Что же ждать ей от этого далекого Славянолужья?

– Я еду, Никита, – сказала она, – ты меня уговорил.

Глава 3

ДЕЖА-ВЮ

О том, как она в самый первый раз ехала в Славянолужье, Катя вспоминала потом не раз. Последующие события – темные и трагические – затмили собой многое. Однако дорога туда оставалась особой сагой.

Катя получила права полгода назад. «Драгоценный В.А.» свою машину ей категорически не доверил. На узком семейном совете было решено взять напрокат у закадычного друга детства Сергея Мещерского его старую машину, которую он держал на даче у тетки. Машина была красной «семеркой». К счастью, в автошколе, где училась Катя, ездили тоже на «классике», и никакой иной модели Катя в результате пока освоить не могла. Езда по городу давалась ей из рук вон плохо. А за рулем главное условие было в том, чтобы в салоне все было точь-в-точь как и в учебной тарактелке. Всякое новшество пугало и сбивало Катю с толку. Спидометр воспринимался тахометром, а показатель уровня давления масла вообще чем-то совершенно незнакомым. Катю успокаивало только одно: и ее инструктор по вождению, и «драгоценный В.А.», и друг детства Сергей Мещерский хором заверяли, что начинать ездить самостоятельно надо именно на той машине, на которой вы и учились.

До Славянолужья предстояло ехать страшно сказать сколько – сто семьдесят километров. Соглашаясь на столь дальнюю поездку, Катя в душе робко надеялась, что дома, когда она за ужином скажет о командировке, Кравченко совершит рыцарский поступок. Объявит: «Любимая, я не позволю тебе рисковать собой на опасной дороге. Я брошу все, любимая, – службу безопасности, своего работодателя, суточное дежурство и поеду с тобой на край света. Точнее, сам сяду за руль и повезу тебя».

Но ничего подобного не случилось. Кравченко только саркастически хмыкнул: ну ты и даешь, дорогуша! А потом деловито заметил, что сто семьдесят при средней скорости семьдесят в час – это два с половиной часа плюс езда по Москве, значит, все три с половиной. И для водителя-чайника, а тем более чайника по имени Катя, это жесткая тренировка. «Если скатаешь туда и обратно – значит, будешь водить, – заключил он философски. – Значит, не зря всю зиму мне голову со своей автошколой морочила».

Из всего сказанного Катя с тоской поняла, что «туда и обратно», то есть все триста сорок километров(!), Вадим предлагает ей проехать за один день. Идея показалась ей столь чудовищной по своей нелепости, как и девятый подвиг Геракла. Однако, поразмыслив, Катя с тревогой поняла, что... из Славянолужья-то все равно придется как-то возвращаться. Не ночевать же там где-то в стогу сена на границе между Серебряными Прудами и Тульской областью.

Ночь Катя провела в тревожном ожидании дороги. Кравченко, на этот раз игравший роль будильника, поднял ее ровно в шесть. Машина подозрительно быстро завелась, и Катя сначала на первой скорости, а затем на второй выехала из родного сонного двора и покатила по Фрунзенской набережной на восток, навстречу лучам восходящего солнца.

Солнце, правда, моментально скрылось за тучу. День снова обещал быть пасмурным. В шесть часов улицы Москвы были хоть и не пусты, но все же свободны. Катя ехала, судорожно вцепившись в руль и смотря на дорогу строго перед собой. Какие уж там зеркала – боковые и заднего вида! Пару раз она глохла на перекрестках у светофоров и впадала в страшную панику. К счастью, время было раннее и никто сзади ей истерически не сигнализировал.

На подъезде к МКАД во встречном направлении уже двигался нескончаемый поток машин. Утром все ехали только в Москву. И Катя порадовалась, что ее осенила гениальная мысль ехать утром из Москвы.

А потом началось Подмосковье. Замелькали деревни, дачные поселки, коттеджи, поля, леса и перелески, речки, пруды. Обычно дорогой Катя любила смотреть в окно, успевая заметить все на свете. Но теперь, цепко держа руль в своих слегка окостеневших от напряжения руках, она не видела ничего – ни слева, ни справа. Взгляд ее был прикован к габаритным огням впереди идущей машины. А иногда, когда «семерку» обгоняли, ревя мощными моторами, грузовые фуры или «Икарусы», Кате вообще хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть этих грохочущих монстров, тяжело утюживших ленту шоссе.

Говорят, глаза страшатся, а руки делают. Долго ли, коротко ли, но восемьдесят километров Катя проехала. Остановилась на обочине. Передохнула. Часы показывали четверть восьмого. Мимо проносились машины. Их вели сплошь мужчины. Катя, провожая машины взглядом, чувствовала себя чужой на этом празднике жизни и остро завидовала. Увы, сейчас ей было ясно как день: есть в мире две разные стихии – женская и мужская. Дорога была изначально стихией мужской. Противоположный пол царствовал здесь с незапамятных времен странствующего рыцарства и караванных путей из варяг в греки. То, что вместо коней сейчас были машины, не имело значения. Машины были только средством. А дух был прежним, древним. И дух этот был исполнен соперничества, задора, риска и скорости. Катя чувствовала, что те, кто вдыхал пыльный воздух дорог полной грудью, лишь терпят ее здесь, снисходительно позволяя ползти по крайнему убогому ряду среди тихоходов и дохлых «чайников» с наклейками «у» на заднем стекле.

Верно говорят – всяк сверчок знай свой шесток... Чтобы как-то взбодриться, Катя подумала, что в Шумахеры она все равно не пошла бы, хоть ей миллион золотом плати. Снова завела машину, тихонько тронулась с места и поехала. И опять замелькали деревеньки, дачи, овраги, перелески, подмосковные городки и поля. За Ступином машин стало мало, а шоссе напоминало взлетную полосу. И Катя даже чуть-чуть расхрабрилась и прибавила газа, воображая себя, как в детстве, реактивным истребителем. На сто первом километре пути она вдруг успокоилась. От сердца словно что-то отлегло. Можно даже, оказывается, ослабить мертвую хватку руля, и ничего не случится страшного... руль никуда не денется. Не оторвется. Катю теперь страшно удивляло и радовало все: что машина чутко слушается руля, что мотор мерно урчит, все кнопки-переключатели работают. И что вообще ехать вот так, без напряжения, по свободной дороге среди полей и лесов... почти приятно. А потом произошло настоящее чудо: Катя оторвала наконец от руля правую руку, дотянулась до магнитолы и включила музыку. Приемник был настроен на радио «Орфей», и в салон ворвались скрипки Вивальди – «Лето» из «Времен года». Подстегиваемая музыкой, Катя прибавила газу.

Ух ты! Восемьдесят в час – кому рассказать, не поверят никогда!

Мимо, легко обгоняя маленькую «семерку», пронесся черный «Мерседес», мигнул насмешливо фарами и... Через минуту солнце блеснуло на его заднем стекле далеко впереди.

В половине десятого Катя увидела справа на обочине синий указатель: «д. Журавка». Деревня вытянулась вдоль шоссе. За околицей, конечно же, имелся традиционный пруд, в котором плескались утки, за ним виднелась новенькая автозаправка, похожая на игрушечный пластиковый конструктор. Катя подъехала к заправке, остановилась, высматривая в окно участкового Трубникова. И почти сразу же увидела его: к ее машине неторопливо направлялся длинный и худой, как дядя Степа, милиционер. На вид ему было за сорок. Мундир его был не нов, но тщательно подогнан по фигуре и аккуратно отутюжен. Лицо милиционера было коричневым от загара, а длинные ноги в сапогах (деревенская особенность) смахивали на циркуль. Милиционер степенно приблизился, нагнулся к машине точно шлагбаум, приложил руку к козырьку фуражки:

– Здравия желаю! Издали вашу машину по номеру узнал. Майор Трубников Николай Христофорович, здешний участковый уполномоченный.

– Екатерина Сергеевна, – чинно представилась Катя, пожимая его руку – ладонь Трубникова была мозолистой и жесткой, как подметка.

Катя хотела было вылезти из машины, но... внезапно почувствовала, что не может не только двигаться, но даже распрямиться... тело затекло, спина болела.

Трубников пристально разглядывал ее. Причем, как показалось Кате, с явным недоверием.

– Вы из какой же такой службы будете? – спросил он, кашлянув.

– Из пресс-центра главка. Разве Колосов, начальник отдела убийств, вам этого не сказал?

– Сказать-то он сказал... Мол, придет специалист по всяким таким делам... – Трубников прищурился. – А вы небось недавно институт закончили. Да?

– Я не первый год в милиции, Николай Христофорович, – гордо сказала Катя. – Колосов сказал мне, что здесь у вас в районе совершено убийство, которое не раскрыто по горячим следам. Он сказал, что вы введете меня в курс дела.

– Ну, что вы такая молоденькая, может, оно и к лучшему, – задумчиво изрек Трубников. – Вам, молодежи-то, между собой легче общий язык найти. Тем более в таком вопросе интимном... – он вдруг загадочно умолк.

Катя с недоумением посмотрела на него – о чем это он?

– Вы мне расскажите подробно, Николай Христофорович, что у вас тут стряслось, – сказала она. – Я знаю только, что убили какого-то Хвощева, вроде бы на его же собственной свадьбе.

Трубников помолчал.

– Значит, сделаем так, Екатерина Сергеевна, поедем прямо сейчас на место, где все и произошло. Это отсюда всего двенадцать километров, ну а там... решим, что и как дальше. По дороге я вам расскажу... Одним словом, расскажу все, что установлено первоначальными результатами осмотра и опроса свидетелей. Потом поедем в морг. Тело там до сих пор. Сегодня патологоанатом с ним работает. Нервы-то у вас как, крепкие?

Катя посмотрела на Трубникова и открыла дверь машины, приглашая его садиться.

В «семерке» Трубников едва поместился. Голова его в форменной фуражке почти упиралась в потолок.

– Я покажу, как ехать, – сказал он, кряхтя. – До села Большое Рогатово по шоссе все прямо, а потом направо свернем, там бетонка пойдет. Когда-то колхоз «Боец» сам себе дорогу проложил до реки и зернохранилища.

Указатель «Большое Рогатово» появился через шесть километров. За ним началась старая, разбитая дождями бетонка. Местность была холмистой. Дорога шла то под уклон, то поднималась в гору. Катя, не готовая к преодолению препятствий, снова судорожно вцепилась в руль. За осиновой рощей начался уж совсем крутой спуск к реке.

– Тихонько, тихонько, не гоните, на вторую скорость перейдите, – подсказывал Трубников. – Вот и Славянка наша, – назвал он речку. – В Оку впадает. Видите мост – нам туда.

Земля тут раньше разным колхозам принадлежала, – продолжал он чуть погодя. – Ну а перед самой перестройкой объединили их все скопом в один агропромышленный комплекс.

Катя не перебивала участкового. Конечно, историю следовало начинать с самого убийства, а не с сельского хозяйства, но... видно, у Николая Христофоровича Трубникова была своя особая манера повествования. И с этим приходилось мириться.

– Заместителем директора комплекса работал Чибисов Михаил Петрович. Специалист дельный и хозяин хороший. И мужик тоже ничего. Был у нас депутатом всех созывов, а затем, как комплекс в фирму преобразовался, он это общество акционерное и возглавил. Талант у него к сельскому хозяйству и предпринимательству врожденный. Развернулся он тут у нас вовсю – агрофирму «Славянка» сейчас все знают. Часть земель он за фирмой оставил, часть в аренду отдал фермерам. Часть под теплицы и оранжереи пустил. В общем, за какие-то

шесть лет хозяйство крепко на ноги поставил. Процветать начал. – Трубников покачал головой. – Да... И процветал по нынешним временам – дай бог так всем. Дом отгрохал – особняк, конюшню завел, по Славянке каждое лето на собственном катере и мотоцикле водном гоняет. Самолет даже спортивный на паях со своим старым приятелем Хвощевым Антоном Анатольевичем приобрели. Только вот не повезло с самолетом-то... В марте полетел Хвощев на нем в Тулу на какое-то совещание, да при взлете и упал самолет. Летчик-то легко отделался. Сугроб его глубокий спас. А Хвощеву-то не повезло. Калекой стал, полным инвалидом.

– Но ведь фамилия убитого тоже Хвощев, – Катя решила пришпорить неторопливое повествование участкового.

– Это сынок его Артем, двадцать три года всего ему было-то, – Трубников снова покачал головой. – А на самолете отец его разбился. Он у нас тут тоже активно и успешно занимался бизнесом. У него завод ликероводочный как раз в Большом Рогатове, что мы с вами только что проезжали. А с Чибисовым они не только друзья старинные, но и партнеры – Хвощев барду ему с завода своего на фермы поставляет.

– А что это такое? – спросила Катя.

– Барда-то? Это отходы. Когда спирт гонят, барда остается. Скот на ней хорошо откармливается, вес набирает. Чибисов у Хвощева эти отходы берет и Павловский Александр Андреевич – скотопромышленник наш. – Трубников усмехнулся, словно смакуя это неуклюжее словечко. – Тоже покупает для герефордов канадских своих. Я к чему рассказываю все это так подробно... Чтобы вы, Екатерина Сергеевна, человек городской, столичный, поняли, что по нашим деревенским меркам в деле этом замешаны большие и влиятельные в масштабах района люди. У Чибисова дочь есть Полина. Университет в Москве заканчивает, исторический факультет. Девушка хорошая, даже очень хорошая. Говорила мне, археологом, мол, буду. Ну, на отцовские деньги можно и археологом... Давайте, говорит, Николай Христофорович, мы Черный курган раскопаем, вдруг там захоронение древнее? Что для этого надо, какое разрешение и где получить можно? Фантазерка такая... Но девочка хорошая, правильная. И выпало ей прошлой ночью такое испытание, такая беда, что... – Трубников посмотрел на Катю. – Свадьбу тут у нас в воскресенье играли богатую. Артем Хвощев на Полине Чибисовой женился. Из загса прямо в церковь поехали. Венчал их наш отец Феоктист. Мировой мужик. Проповеди сам пишет, сочиняет и читает их прихожанам – прям оторопь берет, когда за пьянство жучить начинает. И на свадьбе он тоже был, а еще, кроме него, гостей было человек сто пятьдесят. Накануне сам Чибисов мне в опорный позвонил и говорит: патрулей никаких из района дополнительных не вызывай, не надо. Сами своими силами порядок будем поддерживать. А сам ко мне приходи праздновать.

– И вы тоже были на этой свадьбе? – спросила Катя.

– Нет, не попал я на свадьбу. Здесь теперь налево сворачивайте, тихонечко. Руль быстрее крутите, а то так и в кювете заночевать можем. Тут дорогу маленько развезло после дождя, да ничего, проскочим. – Трубников сдвинул фуражку на затылок. – Вечером вызвали меня, как назло, в Марусино – кража там была из палатки продуктовой. Украли-то немного, а мороки... потом мотоцикл мой сдох, короче, застрял я там, в Марусине. И поэтому о том, что на свадьбе было, только со слов свидетелей, мною же и опрошенных, знаю. Приезжих среди гостей много было – в основном все знакомые Хвощева и Чибисова: партнеры деловые, друзья-приятели. Некоторые семейно прибыли. Некоторые даже с собственной охраной. Один депутат был вроде даже. Хвощев-старший тоже хотел в Думу избираться, да теперь с этой катастрофой не до этого уже. Пятый месяц в больнице с аппаратом искусственной почки лежит. Вот она жизнь как иногда поворачивает-то... А наших местных на свадьбе тоже было много. Самые сливки, так сказать. Павловский Александр...

– Что-то фамилия очень знакомая, – сказала Катя. – Где-то я ее слышала.

– Возможно, он человек заметный. Был и компаньон его Туманов Константин. Ну, потом дачники наши – художник Савва Бранкович, это который портреты пишет, и Галина Островская – она сюда каждый год приезжает. Муж ее покойный домишко тут купил, отстроил заново, да и помер, бедняга, на этом строительстве – надорвался. А Галина-то живет здесь с апреля по ноябрь. Пока белые мухи не полетят. Не помните ее, нет? Сейчас ее, правда, узнать трудно. А раньше-то, в мою молодость, какая она знаменитая актриса была. Фильм за фильмом выходил. Кино тогда жизненное было, доброе. Помню, в семьдесят третьем пошел я – парень совсем тогда еще молодой – после суток дежурных в кино. Дело-то в райцентре было, и картину новую привезли. Островская в ней играла и этот, как его...

– Куда теперь-то ехать? – быстро спросила Катя.

– Опять налево забирайте. Сейчас поля пойдут агрофирмы «Славянка». Мы уже почти до места добрались. – Трубников вздохнул. – Да, время-то золотое было – молодость... Но к делу нашему возвращаюсь. Как удалось установить мне со слов свидетелей, а опрашивал я непосредственно личную секретаршу Чибисова Кустанаеву Елизавету Максимовну, примерно в начале второго ночи молодые на машине поехали в Москву. В свадебное путешествие они улетали в Испанию. А рейс был ранний. Шестичасовой. Ну они и выехали прямо от свадебного стола. Но до Москвы не добрались. Вот здесь их обнаружили. В пять часов машина шла на станцию – водитель и заметил с дороги что-то во ржи. Как раз только-только и ливень утих. Ну, вот здесь. Дальше нам, Екатерина Сергеевна, пешком придется.

Катя с великим трудом вылезла из машины. Тело было деревянным. Ноги, казалось, навечно срослись с педалями сцепления и газа. Даже координация движений была точно у новорожденного Буратино. Но все эти мелочи сразу же отошли на второй план, едва только Катя увидела *это место*.

Проселок, по которому они только что ехали, пересекал большое поле. К самой дороге вплотную подступала высокая желтая стена колосьев. Катя впервые в жизни, а не по телевизору и не на картине Венецианова увидела настоящее ржаное поле. Оно простиралось насколько хватало глаз – до самого горизонта. Кругом на многие километры не было ничего, кроме волнующих ветром колосьев да серого пасмурного неба с клубившимися на юго-востоке новыми грозowymi облаками.

– Сюда, – позвал Трубников, и они по узкой заросшей травой колее двинулись в рожь. Рыхлая земля под ногами была пропитана дождевой влагой.

– Вот здесь мы нашли их машину, – сказал Трубников. – Вон осколки от лобового стекла. Осторожнее наступайте. Ноги не пораньте.

Катя увидела две свежие глубокие колеи от автомобильных колес, наполненные водой. И осколки стекла. Среди них валялся измазанный бурой глиной обрывок белой ткани. Катя наклонилась и увидела пуговицы, рукав и манжет. Это был оторванный лоскут мужской рубашки.

– Кое-какие улики здесь, на месте, следовательно пока оставил для повторного осмотра, – отреагировал Трубников на ее вопросительный взгляд, – первоначальный-то осмотр в семь утра был, под проливным дождем. У нас тут вчера весь день как из ведра. – Трубников указал на ткань: – Рубашка потерпевшего Артема Хвощева. Фрагменты ее здесь и вон там еще валялись. Пиджак мы возле машины нашли. Целый. А во-он там во ржи было тело.

Катя посмотрела, куда он указывает, и увидела четкий след волочения: колосья были примяты, местами варварски сломаны и втопты в грязь. Они с Трубниковым пошли по следу и... Сердце Кати дрогнуло: она ничего не видела, кроме непроницаемой желтой стены. Это место... Это странное место. Она уже была здесь раньше – вчера во сне и потом, когда уже проснулась, едва не вскрикнув от страха. Где-то нудно гудели мухи – словно впереди среди золотистого хлеба скрывалась куча нечистот.

– Осторожнее, – шепнул Трубников.

Колосья неожиданно расступились – Катя увидела перед собой вытоптанную площадку. По земле словно кто-то заново прошелся плугом – все было взрыто, вывернуто, выкорчевано. От дождя почва совсем раскисла, походя на хлюпающее под ногами болото. Только вот цвет у стоячей воды этого болота был странный: темно-багровый.

– Здесь мы парня обнаружили. Мертвого, – сказал Трубников. – Из всей одежды на нем только плавки были да брюки, до колен приспущенные. Вся кровь его тут, в этой луже. Земля аж не впитывает, не принимает.

– Как его убили? – тихо спросила Катя.

– Мы со следователем более девяноста ножевых ран на его теле насчитали в области живота, груди, шеи, паха. Даже кожа местами на решето была похожа. В морге увидите, какой он. В салоне машины ихней – а это внедорожник японский двухместный – тоже кровищи было полно. Машину-то следователь пока тут у нас оставил. Не на ходу она – прямо в мотор кто-то кувалдой или ломом заехал. Разбил все к черту.

Катя смотрела на багровую лужу. Именно над ней кружили, жужжа, навозные мухи. Сиделись на крохотные островки бурой глины, что-то там сосали своими хоботками.

Катя взглянула вверх: небо. Как и в том сне – только небо и эти колосья. Стены и потолок, словно в клетке. «Значит, там, во сне, это тоже была рожь», – подумала она с какой-то странной уверенностью. Она протянула руку к колосу. Вот ты какой, оказывается, ржаной хлеб.

– А где нашли Полину Чибисову? – спросила она.

Трубников поманил ее пальцем за собой. Прошли еще метров тридцать, Трубников раздвигал колосья руками.

– Вот здесь. Мне шофер показал, который первый их обнаружил. Она лежала на земле, раздетая. Он подумал – она тоже мертвая, а она в обмороке была глубоко. Когда он попытался ее в чувство привести, она как закричит... Видно, шок пережила, до сих пор никак не отойдет. Стала навроде помешанной. «Скорую» вызвали, так она никому из врачей даже дотронуться до себя не дала – кричит, вырывается. Кровь на ней была. К счастью, не ее. Ран на ней нет, а вот насчет чего другого – этого мы пока выяснить не можем.

– Эксперт взял на исследование образцы крови? – спросила Катя.

– Взял. Только я и без экспертизы скажу, чья на ней кровь, – жениха ее, Артема, – сказал Трубников.

Катя посмотрела на участкового: какой именно смысл он вкладывает в эту фразу?

– Нож не нашли? – спросила она после паузы.

Трубников отрицательно покачал головой.

– Кто же все-таки на них напал? – спросила Катя. – Как вообще они здесь очутились – в поле, так далеко от магистрального шоссе – они же в Москву в аэропорт ехали?

– Лично мне кажется, приехали они сюда сами на своей машине, – сказал Трубников. – Только вот что дальше тут приключилось, по данным первичного осмотра установить не представляется возможным... – Он вдруг оборвал себя на полуслове и сделал Кате предостерегающий жест – тихо!

В первое мгновение Катя не слышала ничего, кроме шуршания колосьев, но затем... Чавканье глины и чьи-то шаги. От неожиданности сердце Кати громко застучало. Здесь, среди этого пустынного зловещего поля, она внезапно почувствовала себя как во сне. Сон и реальность на миг будто поменялись местами, и казалось – вот сейчас произойдет нечто...

– А, это вы, Савва Драгоевич, – слышала она голос Трубникова – напряженный и одновременно удивленный, – а я смотрю – кого это сюда нелегкая несет... Вообще-то тут постонным находится пока не положено.

– Ну, для меня сделайте небольшое исключение. А я вас сколько раз, Николай Христофорович, просил – называйте меня просто Савва. Сами говорили, что об отчество мое язык сломаетесь.

Голос, прозвучавший в ответ, был мужским, глуховатым, с ощутимым акцентом. Этому странному чужеземному акценту эхом вторила еле уловимая мелодия, словно занесенная в эту настороженную тишину далекой радиоволной. Музыка была тихой и удивительно знакомой. Катя узнала ее сразу же – мелодия из фильма Кустурицы «Время цыган». Рожь заволновалась, зашуршала, и из нее, словно отделившись от желтой живой стены, появился человек. Это был мужчина лет около сорока, весьма примечательной наружности. Фигура его была приземистой, полной. Лицо же, напротив, очень худым, скуластым, с резкими чертами. Густые черные брови шнурками сходились к самой переносице. Нос был крупный, римский, с горбинкой. Подбородок резко выдавался вперед. Верхнюю губу оттеняла полоска темных усов. Одет незнакомец был в потертые джинсы, черную размахайку с яркими этническими узорами на груди и пятнистый жилет милитари. На загорелый лоб его была глубоко надвинута панамы цвета хаки, на открытой загорелой груди, густо поросшей курчавой черной шерстью, поблескивал массивный золотой крест, из оттопыренного нагрудного кармана жилета выглядывал аудиоплеер, а мощную шею, точно гривна, окружали снятые наушники. Из них-то и сочилась мелодия из фильма Кустурицы.

Таким перед Катей предстал известный художник Савва Бранкович, и она, приглядевшись внимательно, сразу же вспомнила, что уже встречала его однажды – причем именно на том самом памятном концерте Эмира Кустурицы, когда он приезжал в Москву со своими музыкантами. Это было несколько лет назад, но Савва Бранкович с тех пор ничуть не изменился. Катя живо припомнила, что на тот концерт он явился в бело-черной зебровидной майке и военном кителе полковника югославской армии с золочеными аксельбантами, чем надолго и приковал к себе внимание всей тусовки.

– Вот решил с утра своими глазами взглянуть на это проклятое место, – объявил Савва Бранкович участковому. – Кстати, и освещение колоритное.

В эту минуту свинцовые тучи, нависшие над дальним краем поля, пронзил яркий солнечный луч. Он был похож на золотую спицу, которой насквозь прокололи небо. Капли на траве и колосьях сразу вспыхнули всеми цветами радуги. Солнечный луч, казалось, вонзился в самую середину багровой лужи, разлившейся у ног троих людей, стоявших друг против друга. Катя внезапно почувствовала, как к горлу ее клубком подкатила тошнота.

– Здесь произошло убийство, – сказала она. – Вы что же, с утра пораньше явились сюда, чтобы с любопытством посмотреть на место, где человеку нанесли девяносто ударов ножом, выпустив из него всю кровь в эту вот лужу, что у вас под ногами?

– Милашка, а ты кто? – спросил Бранкович и обернулся к Трубникову: – Христофорыч, дорогой, это что еще за птица?

– Это коллега моя, из главка нашего прибыла – Екатерина Сергеевна. Капитан милиции, – невозмутимо сказал Трубников. – Вот место с ней осматриваем. А вы, Савва, что же, с дачи своей идете?

– С дачи, – Бранкович кивнул. – Удержаться не мог – свернул с дороги сюда. Да, темное дело, очень темное... А с Полиной, значит, так и не удалось до сих пор поговорить?

– Пока нет.

– Бедный маленький воробышек, – Бранкович покачал головой. – Такие приключения в брачную ночь... Ее ведь изнасиловали, да?

– Я, Савва Драгоевич, такой информацией не располагаю и вас, то есть тебя, убедительно прошу такие слухи пока тут у нас не распускать.

– Да что там слухи! Испортили девчонку, – Бранкович вспыхнул, как порох. – Ты любого здесь спроси – все об этом только и говорят. Я б на месте отца ее и суда никакого не стал ждать, сам бы нашел подонка, убийцу и кишки его грязные ему же в глотку бы и забил.

– А вы сами были на этой свадьбе? – спросила Катя.

– Конечно, был. Все были. А что такое?

– А во сколько вы застолье покинули, можно вас спросить?

– Под утро уже. Да там все пьяные были. Девушка, не знаю, как вас и называть-то теперь, господин полицейский или красавица моя, там нажрались все в доску под конец, понимаете? Вы когда-нибудь на свадьбах деревенских бывали? Я не то что времени счет за столом потерял, я вообще когда очухался, понятия не имел, кто я и где нахожусь – в Москве ли, в Белграде ли моем родном, в Баня-Луке ли, в аэропорту или на берегу Славянки нашей на русской даче моей.

– Екатерина Сергеевна, нам пора. Машину надо осмотреть да в морг заехать, – хмуро сказал Трубников. – Ну, и насчет главного решить, как и что... Савва, а ты?

– Ухожу, ухожу я, Христофорыч, не переживай, – Бранкович вскинул руки, точно сдавался в плен. – Я на реку шел купаться. Всего хорошего. Удачи в делах. Прощайте, капитан, птичка сердитая, – улыбнулся он Кате ослепительно и нахально. – И один совет на прощанье, чтобы вы вспоминали Савву Бранковича: чтобы вам тут ни рассказывали об этом месте, – он широким жестом обвел поле, – не верьте. Ничему не верьте. Крепче спать будете, девочка.

– Странный какой, – осторожно заметила Катя, когда они с участковым уже сидели в машине. Катя включила зажигание. – Что он мне такое посоветовал – не верить рассказам об этом месте? О чем это он?

– Чепуха, сказки, – Трубников поморщился. – Не берите в голову.

– А вы, я смотрю, на короткой ноге с этой богемой, Николай Христофорович. В Москве не многие этим похвастаться могут.

– Да? Надо же, а с виду он такой парень простой... Я его в прошлом году выручил сильно, с тех пор мы и подружились, – скромно сказал Трубников. – Он спьяну на джипе своем вброд через Славянку переправляться надумал, да не рассчитал маленько брод-то. Чуть не утонул. А я мимо ехал на мотоцикле, ну и увидел, как он там бултыхается. Трактор мы с мужиками подогнали, вытянули его. Ну, и познакомились. Он парень свойский, в баню меня свою позвал париться-отогреться. Дело-то весной было ранней. Вода стылая... Ну, попарились мы, отогрелись. Баня-то у него шик-блеск, мечта, а не баня. Он себе дачу – ха-а-рошую – выстроил возле хутора Татарского. Наезжает сюда частенько. Мастерская тут у него и кузня даже своя есть. Он ведь, помимо живописи, кузнечное дело хорошо знает. Такие вещи создает – загляденье. Этот год он и зиму почти всю жил на даче. Он ведь по отцу-то наполовину серб, наполовину хорват, а по матери русский. Родители у него в Белграде живут – он сам мне рассказывал. Одна сестра за русского вышла, живет в Туле. Муж у нее спортсмен известный – лыжник-многоборец, чемпион олимпийский. А другая сестра в Боснии замужем за каким-то мафистом местным. После войны Савва-то что-то не очень домой в Белград ездит. Все больше у нас тут обретается. Картины свои пишет. Наезжают к нему гости часто из Москвы. Выпивают, конечно, охотой по осени балуются. Наши, местные, с ним тоже все в дружбе. Чибисов – отец Полины и Хвощев-старший... Одним словом, свой он тут у нас, хоть отчество его, кроме меня, никто и выговорить не может.

– А с Артемом Хвощевым он в каких был отношениях? – спросила Катя.

– В нормальных, точнее, ни в каких. Артем зелен был еще, чтобы с таким человеком, как Савва, какие-то отношения поддерживать.

– А с Полиной?

Трубников пожал плечами. Но Катя заметила, что он снова нахмурился, словно она спросила о чем-то запретном.

– Не боитесь, что машину-вещдок по винтику растащат, пока следователь в отдел ее перегонит? – задала она новый вопрос чуть погодя.

– У меня не растащат, – коротко бросил Трубников. И Катя по его голосу поняла, что он уязвлен до глубины души. Она смеет сомневаться, что он не принял все меры к сохранности изъятых с места происшествия улики!

Автомобиль ждал их в гараже опорного пункта милиции – железном пенале, выкрашенном в ядовито-зеленый цвет. Однако, чтобы добраться до опорного пункта, пришлось снова петлять по проселку, преодолевать крутые подъемы и спуски и в конце концов очутиться у той же автозаправки, где Катя и встретила с участковым. Оказалось, что опорный пункт был от автозаправки в двух шагах: маленькое одноэтажное строение, втиснутое между придорожным магазином автозапчастей и ремонтной мастерской.

В опорный пункт Катя заходить не стала: Трубников сразу же провел ее в гараж и там в таинственном полумраке, пропитанном запахами бензина и резины, она увидела двухместный «Судзуки», принадлежавший Артему Хвощеву. Машина была сильно забрызгана грязью и еще чем-то...

Через выбитое лобовое стекло Катя заглянула в салон: на серых чехлах сидений – бурые потеки, пол сплошь усыпан осколками стекла. Капот был искорежен, фары разбиты, бампер оторван.

– Когда мы машину на месте со следователем осматривали, – сказал Трубников, – в багажнике три сумки были, большие, спортивные. Они ж за границу ехали отдыхать – в основном летняя одежда, тряпки. На полу была дамская сумка белого цвета. Там все их документы – загранпаспорта, авиабилеты, ваучеры на отель, две кредитные карты, телефон ну и косметика разная. Все вещи следователь к делу приобщил. Вот здесь впереди мужская визитка валялась. Тоже следователь изъясил к делу.

– А ключи от машины где были? – спросила Катя.

– Торчали в замке зажигания, мотор был выключен. – Трубников открыл дверь со стороны водителя. – Вот эта дверь и та тоже распахнута настежь были, а сиденья опущены. Мы их подняли, когда пол осматривали. А было все в таком вот положении. – Он опустил сиденья.

– Удобно, – Катя дотронулась до серого чехла.

– Кровать, да и только. – Трубников покосился на нее, хмыкнул. – Прямо ложе супружеское, м-да... Мы тут еще кое-что нашли.

– Что? – Катя нагнулась, заглядывая под машину.

– Часть женского туалета.

– Какую именно?

– Трусы белые кружевные. Разорванные.

– Где они были? В салоне или вне машины?

– Это с какой стороны посмотреть. Повешены были вот сюда как флаг. – Трубников взялся за боковое зеркало с правой стороны.

– Когда Полину Чибисову нашли без сознания, какая на ней была одежда? – еще раз уточнила Катя.

– Платье подвенечное – разорванное, грязью запачканное, окровавленное. «Молния» сзади распущена.

– Что, тоже разорвана?

– Нет, расстегнута, только совсем. Я сам это видел, а платье спущено было до пояса – спина, плечи, грудь голые. Девчушка ничком лежала, в комок сжавшись.

– А обувь на ней была?

– Одна белая туфля на шпильке. Лодочка. На левой ноге. В земле вся. А вторую мы за машиной нашли в луже.

Катя обошла автомобиль, внимательно осмотрела разбитый капот.

– Что же все-таки произошло, Николай Христофорович? – тихо спросила она.

– Скажу только насчет машины этой. Как мы со следователем Панкратовым меж собой прикинули. Значит, приехали Хвощев и жена его туда, где мы их нашли, сами. Остановились в поле. Мотор заглушили, но ключ из замка не вынули, значит, далеко от машины уходить не собирались. Сиденья в салоне опустили, стекла тоже... Ну а потом звезданул им кто-то по

капоту, стремясь мотор вывести из строя, чтоб не уехали они, не спаслись оттуда. Эксперт наш предмет, которым по капоту дубасили, определил как «тяжелый металлический» – лом это, скорее всего, был или отрезок трубы. Высадили и стекло лобовое. Может, той же трубой, а может, и ногой – на капоте вмятины глубокие вот здесь и вон там. – Трубников показал Кате наглядно. – С машиной, думаю, все так в точности и было.

Катя ждала, что он продолжит, но Трубников замолчал.

– Ну, что же... Теперь в морг? – не слишком уверенно предложила Катя. Трубников мрачно кивнул.

Морг находился при больнице райцентра. Путь туда был неблизкий. Катя давно уже потеряла счет и времени, и километрам. Она боялась даже думать о том, сколько часов уже провела за рулем. Руки, ноги, спина – все было словно чужое. Однако, когда эти самые чужие, одеревеневшие ноги и руки нажимали на педали и крутили руль, все словно вставало на свои места. Даже усталость куда-то девалась – до следующей остановки, до следующей высадки. «Все-таки мы едем, а не пешком плетемся, – утешала себя Катя. – Вот сейчас до этого чертова морга доберемся, там и...» Она вовремя одернула себя, едва не произнеся «отдохнем». Еще чего!

Нет, говорят, худа без добра. Сильная физическая усталость помогла Кате, как ни странно, довольно спокойно, если не сказать апатично, встретить то, что ожидало их с Трубниковым в морге. При других обстоятельствах Катя, наверное, испугалась бы гораздо сильнее.

Они с Трубниковым успели вовремя. Из областного бюро судебно-медицинской экспертизы в больницу прибыл патологоанатом. Вскрытие давно уже шло своим чередом. Когда патологоанатом показал им то, что некогда было телом Артема Хвощева, Катя судорожно вцепилась в руку Трубникова.

– Девяносто восемь ножевых ран, – сказал эксперт, – из них процентов шестьдесят – проникающие, причинившие повреждения внутренним органам. Особенно сильно пострадала брюшная полость. Как видите, она почти вскрыта, внутренности в таком ужасном виде. Множественные повреждения грудного отдела и паха. Семь ножевых ранений в область спины и ягодиц. Горло перерезано, на лице глубокие порезы. Характер ран таков, что мы с уверенностью можем говорить о том, что нападение было крайне жестоким. Я бы сказал, просто неистовым.

– Женщина могла такое сделать? – спросила Катя, стараясь не смотреть на труп.

– Женщина? Я бы сказал, нет, никогда, если бы у меня самого пять лет назад не было одного случая, – патологоанатом оживился. – Женщина, психически больная, тридцати пяти лет, нанесла своему двадцативосьмилетнему брату – крупному, сильному парню, сто двадцать одно ножевое ранение. Буквально растерзала его.

– Психически больная? – переспросил Трубников. – Силища-то у них такая откуда? Это ж силу надо какую иметь...

– Здесь есть раны, когда лезвие ножа наткнулось на кость и оставило на ней отметины, – сказал эксперт. – Я бы сказал, что для женщины это в принципе невозможно, если бы в том случае с психопаткой у меня не было и такого. В нашем случае смерть наступила от множественных тяжких повреждений и связанной с ними острой кровопотерей. Время смерти, судя по тем признакам, что я наблюдаю, приблизительно от двух до трех часов утра.

– Темно, значит, еще было. Не рассвело, – тихо сказал Трубников. – А петухи-то уже пропели...

В этом его мимолетном замечании было нечто странное. И странность эта была не в словах, а в тоне, каким Трубников произнес последнюю фразу. «Что-то не то, – подумала Катя. – И он, как и Никита, явно что-то скрывает, недоговаривает».

– Когда будет готово ваше заключение? – спросила она патологоанатома.

– Думаю, к вечеру управлюсь с этим, – эксперт кивнул на труп. – Дня за два все суммирую, обобщу и напишу. Колосов Никита Михайлович просил лично ему копию по факсу переслать. Я, честно говоря, его самого сегодня ждал. Почему он не приехал?

– Он очень занят по другому делу, – сказала Катя. – А почему вы ждали сюда именно его?

– Ну как же... Нам ведь с ним прошлым летом, когда из Тульского управления сообщение пришло о... – патологоанатом, наткнувшись на взгляд Трубникова, внезапно умолк. – Одним словом, передайте Никите Михайловичу, что копию заключения я ему сразу же перешлю, – сказал он Кате после паузы.

– Хорошо, я передам, – ответила Катя. – Не смею больше отвлекать вас от дела.

– Куда теперь, Николай Христофорович? – спросила она Трубникова на улице, решив... пока не опережать событий. Что ж, в принципе от начальника отдела убийств ничего другого она и не ожидала. Скрытность Колосова была просто профессиональной болезнью.

Однако, не посвящая ее фактически ни в какие детали происшедшего, Никита все же зачем-то послал ее сюда, в это Славянолужье. Значит, для чего-то она, Катя, была нужна ему именно здесь.

– Куда теперь? – повторила она свой прежний вопрос. – Вы там, в поле, обмолвились, что наступит время обсудить главный вопрос.

– Главный-то? – Трубников прищурился. – Да я уж и не знаю, как и быть с ним. Я Никиту Михайловича просил человека прислать опытного, знающего, чтобы в контакт он войти смог с главным нашим свидетелем.

– С Полиной Чибисовой? – спросила Катя. – Она где сейчас – в больнице?

– Дома она. Невозможно было ее в больницу везти – так она кричала, вырывалась. Отец не дал, домой ее увез. Туда врачи поехали. Но и там ничего не вышло. Ее ведь даже не осмотрели, не освидетельствовали как полагается. Не в смысле ран, нет, а в смысле... Слышали, про что Савва Бранкович-то спрашивал?

– Вы не установили, была ли она изнасилована? Значит, есть подозрения, что была?

– Трусы-то я ее где нашел? – сказал Трубников. – То-то. Деталь красноречивая. Как флаг они повешены были – нагло так, будто в насмешку. А Полина единственный наш свидетель, главный наш шанс в этом деле. Только шанс этот сейчас в таком состоянии душевном, психическом, что не больно-то им воспользуешься. – Трубников пристально смотрел на Катю. – А попытаться воспользоваться надо. И как можно скорее.

«Вот оно что, – подумала Катя, – вот для чего Никита отправил меня сюда».

– Что ж, я попробую с ней поговорить, – сказала она Трубникову. – Только сначала нам надо встретиться с ее отцом. Нет, лучше с матерью.

– У Полины матери нет. Умерла давно от рака. Чибисов с тех пор и не женился. Не хотел мачеху дочери брать. У них дома сейчас из женщин домработница живет да секретарша Чибисова – некая Елизавета Кустанаева. Только с ней, я думаю, разговаривать насчет Полины не стоит.

– Почему?

– Да так. Мое это личное мнение. Не очень-то ладили они меж собой. Чибисов-то Елизавету в любовницах содержит. Ну а какой дочери понравится, когда отцом красotka молодая верховодит? Да потом еще кое-что между ними было... Так что секретарша вам установить нужный доверительный контакт с Полиной вряд ли поможет.

Катя открыла дверь машины.

– Поехали к этим Чибисовым, Николай Христофорович, – сказала она. – Там будет видно.

Глава 4

СЛАВЯНЕ

Больше всего на свете Елизавета Кустанаева, которую те, кто знал ее близко, чаще звали Лисой, чем Лизой, ненавидела беспорядок. Любой – в делах, в вещах, в отношениях между людьми. Когда неожиданно и коварно глохла машина на пустой дороге, когда из облэнерго поступали не учтенные бизнес-сметой счета за перерасход электричества в теплицах, когда с треском отлетала застежка у любимого французского бюстгальтера, когда человек, на которого было потрачено пять лет собственной жизни, в одно прекрасное утро объявлял: «Я от тебя ухожу».

Вот и сейчас привычный уклад в доме, который Лиса давно уже считала почти своим, не просто нарушился, а был буквально взорван, так что осколки его разлетелись по холлу, зимнему саду, гостиной и спальням, ранив всех без исключения домашних жестоко и страшно.

– До каких же пор я должен сидеть вот так, сложа руки?! Надо же что-то делать. Я ведь должен хоть как-то помочь ей, моей девочке...

Крик души. Вопль мужского нутра, взвинченного алкоголем, – Лиса брезгливо прислушалась – начинается... Она курила на открытой веранде второго этажа особняка Чибисова. А сам хозяин дома Михаил Петрович находился внизу в гостиной вместе с настоятелем славяно-лужского храма отцом Феокистом и Иваном Пантелеевичем Кошкиным, которого, несмотря на его преклонный возраст и больное сердце, агрофирма «Славянка» держала в своих штатах в качестве ведущего специалиста по сельхозкультурам.

Отец Феокист и Кошкин вот уже второй день неотлучно находились при Чибисове в качестве самых близких и доверенных советников в главном вопросе текущего момента – что делать?

– Я так больше не могу, нервы не выдерживают. Я пойду к ней, сейчас пойду... Как же мы оставили, бросили ее там одну?

Лиса Кустанаева снова услышала голос Михаила Петровича – полный отчаяния и гнева, он потряс особняк от фундамента до черепичной крыши. Она вздохнула, поморщилась. Эх, Миша, Миша... Только ты и можешь, оказывается, реветь вот так от бессилия и выпитой водки. Второй день только и делаешь, что реवेशь, да пьешь, да звонишь в Москву и Тулу своим адвокатам, да задаешь отцу Феокисту бессмысленные риторические вопросы...

– Михаил Петрович, сядьте. Я прошу вас – сядьте, успокойтесь. Нельзя же так, в конце концов! Будьте же мужчиной.

Это там, внизу, в гостиной громко и веско произнес отец Феокист. Он был из бывших флотских офицеров. И порой храбрый капитан второго ранга брал в нем верх над смиренным служителем церкви.

– Отец, дорогой мой, уважаемый батюшка, вы вот каждое воскресенье проповеди народу читаете... Так скажите мне, ответьте – за что это все нам? Вот это? Ребенку моему единственному – Полине? За что? За какие такие грехи?

Лиса Кустанаева, кутившая наверху, уловила в громоподобном голосе Чибисова явный вызов. В гостиной зрел духовный бунт.

– Христос пострадал за нас плотию, то и вы вооружитесь той же мыслью, ибо страдающий за нас плотию перестает грешить, – ответил отец Феокист. – Пути господи неисповедимы. Бывает, что наши грехи, грехи взрослых, искупают за нас наши дети.

– И это, по-вашему, справедливо? – спросил Чибисов.

– Вопрос не в том, что нашей нравственно несовершенной человеческой природе кажется или не кажется справедливым. Вопрос в том, что думает о нас, наших грехах, нашей расплате за них и нашем покаянии господь наш.

– Поговорили бы вы так лет двадцать назад, отец Феоктист, – услышала Лиса Кустанаева скрипучий старческий голос Кошкина, – живо бы вас командование Северного флота на ковер вызвало и погоны долой.

– Какой-то подонок жизнь мою под откос в один миг пустил – убил моего зятя, надругался над моей дочерью единственной. Довел ее до того, что девочка рассудка почти лишилась, а вы говорите мне о том, что думает об этом бог! – воскликнул Чибисов. – Да где он, бог-то? Я ему месяц назад колокола в церковь повесил. Семнадцать тысяч долларов с одного литья только, между прочим, не считая установки на колокольню. А он мне за это – ЭТО вот?! Да что вы мне о покаянии лапшу на уши вешаете? В чем мне каяться? В том, что я вкалываю как проклятый? Что вот этими руками все себе заработал – дом, капитал, дело свое? В том, что жены лишился, Полинка у меня на руках сиротой осталась? В том, что всю округу, земляков своих работой, зарплатой обеспечиваю, кормлю-пою, от водки загнуться не даю как другим? Моя жизнь – вот она, как на ладони. – Голос Михаила Петровича патетически звенел. – В чем виноват я, не отрицаю – ну, за воротник залью в компании когда лишнее, охоту люблю по осени, выражаюсь не всегда литературно-культурно. Так я ж мужик. На земле вырос, с землей всю жизнь дело имел. На земле и умру, где-нибудь в поле. Упаду как заезженный конь в борозду...

– Когда был цел Советский Союз, – Лиса Кустанаева снова услышала голос Кошкина, – таких вещей и в проекте быть не могло. Насчет убийств тогда строго дело было. Чуть что – расстрел. А сейчас? Ну, поймают его, этого сукиного сына, и, думаете, расстреляют? Нет, в тюрьму посадят. Кормить будут, стеречь, дерьмо за ним убирать лет этак еще двадцать. А его б не в тюрьму надо, а под трактор сразу гусеничный, под асфальтоукладчик. Чтобы только мокрое место одно осталось.

– Елизавета Максимовна, я пришла вам сказать... Она, кажется, проснулась. Глаза открыла. Я спросила, как она себя чувствует, но она ничего не ответила. Молчит...

Лиса обернулась: перед ней стояла медсестра Вера, которую Чибисов еще вчера утром привез из районной больницы, чтобы она неотлучно находилась при Полине. Лиса была категорически против этого. По ее мнению, Полину надо было сразу же поместить в хорошую частную клинику в Москве. Но Чибисов воспротивился.

– Хорошо, спасибо. Идите к ней. Может быть, ей что-то понадобится, – сказала она медсестре. – Она так ничего и не ела?

– Нет.

– А платье... Вы наконец забрали его?

– Нет, я не смогла.

– Я же вас просила, Вера, – Лиса Кустанаева повысила голос. – Платье у нее необходимо забрать. Следователь настоятельно просил, чтобы мы его сохранили. Там могут быть следы...

– Но она не дает. Что я могу сделать? Силой отнимать? Она вцепилась в него чуть ли не зубами, когда я попыталась взять его, – жалобно возразила медсестра. – Не психиатричку же нам вызывать со смиренной рубашкой. Это и не платье уже – просто тряпка грязная, окровавленная, но Полина ее не дает никому. Настаивать, отбирать насильно – значит, только еще больше навредить.

Кустанаева щелкнула зажигалкой, закурила новую сигарету.

– Насчет психиатрички – это дельная мысль, – сказала она. – Ну, что же вы стоите? Возвращайтесь к ней. Я сейчас спущусь к Михаилу Петровичу, скажу ему.

Медсестра покорно заковыляла прочь. Она была маленькой и рыхлой. Сын ее работал техником в агрофирме «Славянка», а сама она знала Чибисова, когда он был еще директором совхоза, и несколько лет состояла приходящей сиделкой при его больной жене.

«Они все здесь такие, – подумала Лиса, – все с одной грядки. Свои. А я здесь не своя. Чужая всем. И черт меня дернул заехать в эту дыру?»

Кустанаева начала работать у Чибисова два года назад. Встретились они совершенно случайно, однако случайность эта обернулась для обоих далеко идущими последствиями. До Чибисова жизнь Лисы Кустанаевой определяли глобально двое мужчин – сверстник-муж, с которым они были женаты с четвертого курса финансового института, и пожилой работодатель-любовник – непосредственный начальник мужа, к которому опять же не кто иной, как этот самый муж, и устроил Лису личным секретарем. Все трое работали в банке «Столичный кредит» в Москве. Жизнь шла своим чередом и даже радовала разнообразием, а затем вдруг показала волчий оскал. Сверстник-муж завел роман на стороне с восемнадцатилетней студенткой и однажды за завтраком изрек очень спокойно и просто: «Я от тебя уйду, Лиса, совсем. Так получилось, извини. Надо обговорить, как нам лучше разъехаться – менять эту квартиру или продавать?»

А пожилого работодателя, на которого Лиса сразу же после крушения семейного очага возложила все свои надежды, буквально через неделю застрелили в его собственном подъезде. По этой причине банк «Столичный кредит» лопнул, и Лиса в одночасье лишилась и богатого любовника, и престижной работы, и хорошей зарплаты, и любящего мужа, и квартиры.

К счастью, при ней осталось самое главное – ее внешность. Лиса всегда по праву гордилась своей стройной высокой фигурой. Длинные ноги, роскошные рыжие волосы, атласная кожа, задумчивые загадочные серо-голубые глаза были истинными козырями в новой игре, что навязывала ей судьба. Чибисов, как он простодушно признался впоследствии, обратил на нее внимание именно из-за ее внешности, а уж только потом оценил и ее деловую хватку.

С банком «Столичный кредит» агрофирма «Славянка» поддерживала деловые связи, а близкий друг Чибисова Антон Анатольевич Хвощев даже одно время входил в совет директоров банка. Он и познакомил Кустанаеву и Чибисова на похоронах застреленного банкира.

– Я слышал от покойного много теплых слов в ваш адрес, Лиза, – сказал Чибисов, когда они возвращались в машине с поминального банкета. – Вы очень красивая женщина... Я даже не ожидал. Где вы намерены работать?

– Не знаю, – честно призналась Лиса. – В банке введено внешнее управление, через пару недель нас всех уволят.

– Я на днях лечу на Кипр, в Ларнаку, – сказал Чибисов. – Союз агропромышленников проводит там симпозиум. Мне нужен секретарь, желательно со знанием английского. Я подумал, чувствую себя за границей, Лиза. Просто робею, честное слово. А в результате за все всегда переплачиваю пропасть денег... А я слышал, вы недавно с мужем развелись?

В Ларнаку в пятизвездочный отель, где проводился симпозиум, они поехали вместе. Лиса не удивилась, когда оказалось, что Чибисов заказал только один номер – шикарный люкс с джакузи. С Кипра все и началось. А потом оказалось, что быть подле Чибисова в качестве эскорт-секретаря нужно не в Москве, а в ста семидесяти километрах от нее – в Славянолужье. Это стало для Лисы неприятным сюрпризом. Однако, взглянув под правильным углом зрения на особняк на берегу реки Славянки, на гараж Чибисова, на его машины, на его офис, на его лошадей, на его мебель, на спутниковую антенну, теплицы, поля, оранжереи и завод комбикормов, Лиса решила быть благоразумной. Что, в сущности, такое сто семьдесят километров от Тверской и Кутузовского, когда Чибисов и его старый друг Антон Хвощев приобрели на паях спортивный самолет?

К большому несчастью, самолет вскоре разбился, искалечив Хвощева. Но ведь все остальное было целым и невредимым. Ситуация осложнялась лишь тем, что у Чибисова имела взрослая дочь Полина. Но Лиса мудро полагала, что с ее замужеством кое-какие проблемы их взаимоотношений рассосутся сами собой.

Но то, что произошло в ночь Полининой свадьбы, разбило все ее надежды. В доме воцарился полный хаос – безобразный и всепоглощающий. И бороться с ним у Лисы не было сил.

Она настороженно прислушалась – мужские голоса по-прежнему вразнобой гудели внизу:

– Я вот сейчас в приемную позвоню областному прокурору, нет, лучше в приемную губернатора... Где телефон? Он только что тут, на диване был?

– В некоторые моменты нет ничего действеннее и сильнее, чем искренняя молитва. Надо открыть свое сердце, очистить его...

– Все, все зло сейчас от Америки. Это янки нас специально развращают. По телевизору сплошь мордобой, драки, уголовники сплошные. Да виданное ли дело, чтобы раньше в Советском-то Союзе половые акты открыто на экране показывали? Вот люди и бесятся от этого, как звери друг на друга кидаются – убивают, насилуют...

Лиса почувствовала, что еще минута, и ее, возможно, стошнит. От всего этого словоблудия и от четвертой подряд сигареты натошак. Ей захотелось топнуть ногой и крикнуть им туда, вниз: хватит, заткнитесь! И она уже готова была спуститься и наговорить им резкостей, но...

Ее отвлек шум за воротами. С веранды второго этажа было видно, что у дома остановились красные «Жигули». Из них вышел долговязый человек в милицмейской форме, направился прямо к калитке и позвонил. В этом человеке Кустанаева узнала участкового Трубникова. Он приехал не один. За рулем красного «жигулька» был кто-то еще. Но, к досаде своей, разглядеть со своего балкона, кого это несет нелегкая в столь неурочное время, Лиса не могла.

Слаянолужье было местом живописным, но дорожные красоты не трогали Катю. Сил ее еле-еле хватало, чтобы крутить руль и не подавать вида, что она вот-вот малодушно готова его бросить. А Трубников словно и ничего не замечал. Для него лишние десять километров по району были просто парой пустяков. Катя уже изнемогала. С языка ее то и дело срывалось жалобное: «А скоро мы приедем? А долго еще?» На что Трубников снисходительно отвечал: «Скоро, скоро, маленько еще осталось».

Дом Чибисовых был виден издадека. Стоял он на высоком обрывистом берегу реки Славянки в зеленой роще, где не было высоких деревьев, а только молодая поросль рябин, кленов, орешника да жимолости. Дом стоял на отшибе, в горделивом одиночестве почти в трех километрах от поселка, название которого Катя, проезжая мимо, так и не запомнила. По словам Трубникова, старожилов в поселке оставалось всего ничего, а в основном обитали дачники.

Дом был новый, добротный, краснокирпичный, двухэтажный. С фигурной, крытой настоящей черепицей крышей, стильными рамами под мореный дуб и высоким бетонным забором, покрашенным красной охрой и затянутым сверху колючей проволокой. Забор огораживал участок в полтора гектара, на котором располагалось множество разных полезных строений: гараж, баня-сауна, тренажерный зал, летняя крытая беседка и конюшня. Все это Катя разглядела, когда их с Трубниковым после звонка в калитку впустили внутрь. Участок был ухожен, в цветниках царил образцовый порядок, дорожка, выложенная плиткой, была чисто подметена.

Удивило Катю полное отсутствие охраны. Вместо тяжелоатлета-привратника калитку им отпер какой-то старичок – сухонький и интеллигентный, в больших роговых очках. Трубников дружески с ним поздоровался, представив Кате как Ивана Пантелеевича Кошкина. Кто был этот Кошкин и кем он доводился дому Чибисовых, Катя в этот первый раз так и не усвоила.

Кошкин, семена старческой походкой, повел их мимо тренажерного зала и гаража к дому. На ступеньках большой стеклянной террасы, оборудованной под зимний сад, их встретила молодая женщина. Катя оценила ее моментально: около тридцати, выглядит примерно на свой возраст. Спортивная, стильная, рыжая, как лисица. С великолепными густыми волосами, небрежно подколотыми на затылке изящной заколкой от Диора. Золотистый загар, ухоженное тонкое, слегка подкрашенное лицо, гибкая высокая фигура и отличные манеры. При

этом крайняя простота в одежде: белые джинсы, льняная рубашка цвета сливок, кокетливо застегнутая лишь на две пуговицы, и босые ступни с безукоризненным педикюром.

Такой Катя впервые увидела Елизавету Кустанаеву и сразу решила, что перед ней жена Чибисова, потому что Кустанаева выглядела точь-в-точь как жена богатого человека. Но потом Катя вспомнила, что Чибисов – вдовец, и поняла, что и догадка Трубникова о том, что эта рыжая дива не только личный секретарь, но и любовница хозяина дома, скорее всего, заслуживает полного доверия.

– Мы к вам, Елизавета Максимовна, – сказал Трубников, вежливо здороваясь. – Это вот сотрудник из областного управления нашего – Екатерина Сергеевна, специалист-психолог по таким делам... – Катя чувствовала, что Трубников в крайнем замешательстве. – С Полиной поговорить необходимо. Так начальство наше Екатерину Сергеевну сюда и прислало. Следователь прокуратуры результатов беседы ждет. Потом сам либо сюда к вам приедет, либо повесткой вызовет. Полину-то допросить обязательно нужно... Ну, как она, лучше?

– По-прежнему, – сухо ответила Кустанаева, пристально изучая Катю, – ни с кем не говорит. На вопросы наши не отвечает. И видеть никого не хочет. С ней только медсестра.

– Плохо дело, – Трубников покачал головой. – Бедная... И все же попытаться мы с Екатериной Сергеевной должны.

– Да я лично не против, – Кустанаева пожала плечами. – Я понимаю, что это в интересах расследования. И адвокат Михаила Петровича говорит, что чем раньше освидетельствуют ее, тем для дела лучше, так как она и свидетель и потерпевшая. Только вряд ли у вас что-то выйдет, господа, – она повернулась к Кате: – Михаил Петрович не позволит. А Полина видеть никого не желает. Даже нас, близких.

– Я могу поговорить с Михаилом Петровичем? – спросила Катя.

Кустанаева смерила ее холодным взглядом.

– Конечно, можете. Одну минуту, я его позову.

Легко ступая, она скрылась в недрах дома. Катя и Трубников остались на террасе. Этот доморощенный зимний сад не понравился Кате. Растений было слишком много, они только мешали друг другу, и всем им не хватало солнца, потому что по чьей-то прихоти или недосмотру терраса смотрела всеми своими окнами строго на север. Над скудно цветущими бегониями кружила оса. Ее жужжание было, казалось, единственным звуком, нарушавшим тишину этого большого чужого дома. И вдруг Катя услышала шум. Он донесся сверху, как будто над террасой кто-то двигал, переставлял мебель. Потом все стихло.

– Так кто, вы говорили, кроме Чибисова и Полины, живет в доме постоянно? – шепотом спросила Катя у Трубникова.

– Домработница у них есть, Клавдия, наша местная, из Журавки. Вдова, сын в Чечне погиб в девяносто четвертом. Чибисов взял ее к себе в дом, она у них как своя, – ответил Трубников, – на ней и дом весь держится. И эта вот Лизка рыжая. Лихая девица – джип чибисовский водит – гоняет так, что аж пыль столбом, да и в дела фирмы вникает скрупулезно. Чибисова потихоньку к рукам прибрала.

– Что же она – в сельском хозяйстве смыслит?

– Все смыслит, что надо, что доход дает. Я и сам сначала удивлялся, но факты вещь упрямая.

– Вы хотели меня видеть? Здравствуй, Николай Христофорыч. Что скажешь мне, как отцу? Задержали вы уже кого-нибудь или нет? – Голос, прозвучавший из глубины дома, был громким, явно подогретым алкоголем. Через секунду Катя увидела и его обладателя. Михаил Петрович Чибисов вышел в свой сумрачный зимний сад под сень фикусов и пальм.

Катя увидела перед собой коренастого, широкоплечего пятидесятилетнего мужчину с седеющими волосами и красным от загара лицом, иссеченным глубокими резкими морщинами. На Чибисове была несвежая белая рубашка с засученными рукавами, новые спортив-

ные штаны «Пума» и домашние тапочки «Хьюго Босс». И этот наряд совершенно не вязался с отчаянным и одновременно гневно-беспомощным выражением его лица. Спортивные штаны и дорогие тапочки вроде бы свидетельствовали о том, что их обладатель коротал время у горящего камина с газетой, а мятая рубашка, всклокоченные волосы и лихорадочно блестящие глаза, полные тревоги и ожидания, красноречиво говорили о жестокой бессоннице и неурочных зловещих телефонных звонках.

– Сроду я вас, Михаил Петрович, не обманывал, – ответил Трубников. – Сейчас тем более совесть не позволит. Никого мы пока не задержали. Некого задерживать, потому как зацепки пока никакой. Эксперты, следователь, розыск работают... Но без показаний дочери вашей, Полины Михайловны, трудно пока обходиться. Вот сотрудника специально из ГУВД прислали, чтобы она попыталась поговорить с Полиной, – Трубников кивнул на Катю. – Может, отошла она немного, что-то вспомнит, скажет. Для нас сейчас любая информация на вес золота.

Голос участкового журчал, как ручей. С главой агрофирмы «Славянка» Трубников знаком был очень давно. Чибисов, слушая, смотрел только на участкового, и казалось, даже не замечал «сотрудника из ГУВД». Неожиданно он всхлипнул, с силой ударил себя кулаком в грудь и отвернулся к окну.

– Оставьте вы нас в покое, раз сделать ничего не можете, – донеслось до Кати его глухое рычание. – Христофорыч, уйди... я тебя как человека прошу...

– Михаил Петрович, но так же нельзя, – тихо сказала Катя. Ей стало Чибисова страшно жаль и оттого, что он плакал вот так, у них на глазах, не скрываясь, и оттого, что гнал их, и оттого, что ждал от них помощи в своем горе. А они пока помочь не могли. – Пожалуйста, разрешите мне поговорить с вашей дочерью.

Чибисов обернулся к ней, явно собираясь послать и ее и Трубникова далеко-далеко, как вдруг...

Наверху послышался шум. Громкие возгласы. Кто-то стучал в дверь, истошно крича: «Полина, открой! Полина, что происходит?!» А затем Катя услышала тревожный крик Кустанаевой, призывавшей подняться наверх какого-то «отца Феоктиста». Чибисов, более не обращая на них с Трубниковым внимания, рванул к лестнице на второй этаж. Участковый, не задумываясь, последовал за ним, увлекая за собой и Катю. По тому, как кричали наверху женщины, было ясно: в доме случилось что-то ужасное.

– Полина, прошу тебя, не дури, открой дверь! – гудел наверху чей-то бас. – Полина, девочка, да что же это такое?

Лестница была винтовой и высокой – у Кати даже голова закружилась. На втором этаже лестница упиралась в просторный холл, куда выходили двери сразу нескольких комнат. Перед самой дальней дверью Катя увидела Кустанаеву, маленькую толстую медсестру и высокого священника в темно-коричневой рясе, подпоясанной широким кожаным ремнем. Это и был отец Феоктист. Он гулко барабанил в дверь кулаком, а затем, обернувшись к побледневшему Чибисову, прошептал: «Миша, надо высаживать. Бог знает, что может случиться...»

Чибисов так и налетел на перепуганную медсестру.

– Не знаю, ничего не знаю, Михал Петрович, – залепетала та. – Она все на кровати лежала... Потом вроде задремала, потом проснулась и говорит: «Мне в душ надо, тетя Вера». Ну, я вышла. Чтобы халат ей и полотенца принести чистые. Возвращаюсь, а она дверь изнутри закрыла и голоса не подает.

– Она что-то рвет там, – шепнула Кустанаева Чибисову. – Я треск ткани слышала.

– Полина, дочка, открой мне! – не своим голосом закричал Чибисов. – Доченька моя!

В ответ за дверью что-то грохнулось об пол.

– Миша, посторонись. Николай Христофорович, помоги мне. Ну-ка с богом!

Отец Феоктист и участковый Трубников с разбега ударили в дверь точно два пушечных ядра. Дверь затрещала, они поднажали и с шумом высадили раму. То, что Катя увидела за дверью, она потом долго не могла забыть.

На самую середину комнаты, а это была светлая, уютная полуспальня-полукабинет с широкой кроватью, туалетным столиком, заставленным косметикой, с традиционным компьютером у окна и стенами, украшенными яркими эстампами в стиле панк-рок, был передвинут явно с летней веранды стол-подставка для цветов. Сами цветы – пышные голубые гортензии в кашпо из ротанга – были варварски сброшены на пол. Земля из разбитых горшков высыпалась, пачкая узорный шерстяной ковер. На столе, балансируя, стояла девушка в батистовой пижаме в трогательный розовый горошек – бледненькая, веснушчатая, темноволосая. Обеими руками она цеплялась за связанную из каких-то грязно белых матерчатых полос совершенно немыслимую веревку, прицепленную к хрустальной люстре. Петля этой странной веревки обвивала шею девушки.

– Уходите отсюда! Все уходите! – кричала она. – Я все равно это сделаю, я решила! Это все из-за меня, я этого хотела... Я так сильно хотела, чтобы он умер!

Она пошатнулась, теряя равновесие, стол-подставка под ее тяжестью предательски затрещал, веревка натянулась, петля заскользила, и казалось, еще секунда, и случится непоправимое...

– Полина! – Чибилов бросился к ней, но...

– Не подходите ко мне... Папа, стой, иначе я...

То, что она спрыгнет – в это мгновение Катя в этом даже не сомневалась. Это было видно по ее глазам. А на то, что нелепая веревка оборвется или люстра не выдержит, шансов было мало.

– Полина, не смей, прекрати, – резко, зло сказала Катя, стараясь, чтобы голос ее – голос чужого, незнакомого девушке человека прозвучал в этой куче-мале насмерть перепуганных домашних как можно громче. – Повеситься – это гадко, тошнотворно для женщины...

Она поймала взгляд Полины – в затуманенных ее зрачках что-то мелькнуло.

– Будешь после смерти синяя, страшная. Язык вывалится, распухнет, глаза остекленеют. До тебя не только дотронуться – смотреть противно будет...

Полина быстро вскинула руки к шее и вцепилась в петлю. В это мгновение к ней кинулся, шурша рясой, отец Феоктист. Подхватил девушку под колени, крикнув Кустанаевой:

– Лиза, ножницы и стремянку, быстро!

Через минуту в комнате появилась стремянка. Кустанаева ловко вскарабкалась к самой люстре и ножницами срезала веревку. Отец Феоктист держал Полину на руках. Голова девушки безвольно упала ему на плечо.

– Вызывайте «Скорую», – сказала Катя Чибилову – тот ошеломленно кивнул. – Ей успокоительное нужно. Куда же вы? Вот телефон.

Телефонная трубка валялась на кровати, но Чибилов словно не видел ее. Он был как слепой. Отец Феоктист осторожно понес Полину вниз, в гостиную. Кустанаева по мобильному вызвала врачей. Участковый Трубников поднял с пола веревку.

– Платье на полоски разорвала и связала – надо же... Платье подвенечное. Которое следователь у нее никак изъять не мог. Не давала, – сказал он, аккуратно сворачивая веревку, ища, во что бы ее упаковать как вещдок.

– Господи, за что мне все это, – прошептал Чибилов. – И это еще...

Катя вместе с участковым спустилась в зимний сад. Ничего теперь не оставалось, как терпеливо ждать «Скорую». Когда прибыли врачи, Трубников, приватно переговорив с отцом Феоктистом, кивнул Кате – мол, на сегодня все. Баста.

Это было ясно и так: допросить главного свидетеля, то есть выполнить то, основное, за чем, собственно, ее и послали в Славянолужье, Кате не удалось.

– Девчонка-то что-то чудное крикнула, слышали? – тихо сказал Трубников, когда они шли по дорожке к калитке. – Мол, она хотела, чтобы Хвощева убили, мол, из-за нее это все.
– Я слышала, – ответила Катя, – только Полина сказала это не совсем так.

О том, что с шести часов утра она ничего еще не ела, Катя вспомнила, лишь когда взору ее предстала еще одна странная картина. Недалеко от дома Чибисовых – за рощей на берегу реки Славянки – стояли длинные неубранные столы под полосатыми полотняными тентами. Вокруг столов сустились двое усталых потных официантов. Один кое-как сваливал в большие картонные коробки немытые столовые приборы и тарелки с объедками, другой строил из стульев пирамиды на траве и запихивал в полиэтиленовые мешки скомканные, залитые вином и соусами скатерти. Тут и там на траве под столами валялись хлебные корки, огрызки яблок, кожура от бананов, привлекавшие взъерошенных ворон, зорко следивших за официантами с верхушек деревьев. Как только официанты, нагрузив очередную коробку грязной посуды, тащили ее к стоявшей на лужайке «Газели», вороны с торжествующим карканьем пикировали к столам. Официанты возвращались, прогоняли птиц с криком и руганью, а через пять минут все повторялось снова.

– И застолье все как есть бросили, – сказал Трубников, грустно кивая на столы, – свадьбу здесь справляли на вольном воздухе. Неделю гулять собирались, а тут ночью гроза. А потом убийство. Так все и бросили впопыхах. Сегодня только помаленьку убирать начали. Кстати, Екатерина Сергеевна, раз уж о еде речь зашла, поедemте обедать, а?

– Спасибо, но что-то не хочется, – сказала Катя.

– Да не куда-нибудь, вы не думайте, а ко мне. Я вчера вечером окрошки наделал, квас у меня свой в холодильнике, лучка-укропчика с грядки надергаем, огурчиков свежих малосольных. Я все сам делаю – сам себе и кулинар, сам и повар. Один ведь живу.

– Один? – удивилась Катя. – А где же ваша семья?

– Нету. – Трубников развел руками. – Родители умерли давно, сестра замуж выскочила в соседний район. Братеньник младший на реку Амур подался сразу после армии. В совхозе оставаться не хотел. Теперь вон все телеграммы шлет, почву зондирует – нельзя ли вернуться. Непутевый он какой-то.

– А вы так и не женились?

– Как видите – еще не успел, – Трубников усмехнулся, отчего вокруг глаз у него лучиками пошли морщинки. – В районе в целом ни одной охотницы за милиционера пойти замуж не нашлось. Ну а потом я еще в Афгане воевал – это тоже, знаете ли, того... Отпугивало многих. А сейчас что ж, сорок шестой уж год стукнул – куда теперь жениться... Только народ насмешись. Ну как, поедem окрошку есть?

– Ой нет, большое спасибо, Николай Христофорович, – Катя покачала головой, – но после сегодняшних впечатлений не очень мне хочется обедать. К тому же ехать пора. Шестой час, пока до Москвы доберусь.

Трубников больше ничего ей не сказал. И Катя поняла: за окрошкой он явно хотел обсудить с ней то, что произошло в доме Чибисовых. И был уязвлен в лучших чувствах своих, когда Катя, пусть и мягко, и вежливо, но дала понять, что обсуждать это она пока не собирается. Нет, это не было пренебрежением к участковому Трубникову – просто у Кати не было сил после всего еще и молоть об этом языком.

– До свидания, Николай Христофорович, – сказала она. – И спасибо за помощь.

– Прощайте. – Трубников подчеркнуто вежливо козырнул.

До магистрального шоссе было недалеко. Однако добираться пришлось по разбитому проселку через поля. Проехав совсем немного, Катя остановилась, заглушила мотор. Смотрела на пыльное лобовое стекло, вспоминая то, *другое* – высаженное яростным ударом. Машинально включила дворники. Вот она и побывала в этом Славянолужье. Увидела в луже кровь пополам

с дождевой водой, разбитую машину, мертвое изувеченное тело человека, которого она не знала и никогда не встречала в своей жизни. Увидела эту девочку Полину – невесту-вдову с самодельной петлей на шее...

«А ведь это именно я спасла Полину, – мелькнуло у Кати. – Странно, но никто этого, кажется, и не заметил. А ведь я спасла, удержала ее. Или нет? Все зависит от того, что это было – попытка убить себя или же хорошо рассчитанный трюк, специально разыгранный, чтобы никто не мог заподозрить...»

Катя закрыла глаза. Нет. Это неправильно. Это не так. Полина действительно хотела покончить с собой. И я ее спасла.

Кто-то энергично посигналил сзади. Катя очнулась от дум. Она явно кому-то мешала на этой тихой сельской дороге. В зеркале материализовались очертания большого бордового внедорожника. Катя медленно завела «Жигули» и съехала на обочину, уступая путь. Машины поравнялись. Это был старый «Шевроле» – запыленный от колес до крыши. За рулем его сидел молодой мужчина, вид которого Катю сразу же обеспокоил.

На первый взгляд незнакомец был похож на провинциального братка, каким его обычно изображают в телесериалах: плечи – косая сажень, мускулистый торс, профиль боксера и молодой гориллы. Вся фигура словно грубо вытесана из дубового чурбака и одновременно дышит уверенностью, силой и бесшабашной молодцеватостью. Из одежды – только черная безрукавка да брюки цвета хаки. На правом предплечье, где тугими шарами наливаются бицепсы, – смутная татуировка, сливовый вид которой на загорелой коже отнюдь не внушает доверия на пустынном деревенском тракте. На шее – толстая золотая цепочка.

Катя заметила сначала все эти отдельные подозрительные детали, а уж только потом взглянула незнакомцу в глаза. Глаза были ярко-голубого цвета, как незабудки. Они создавали какой-то забавный и одновременно светлый диссонанс с грубой лепкой лица и фигуры.

– Что, сломались? – спросил незнакомец, наклоняясь к открытому окну своего вездехода.

– Нет, – ответила Катя. – Все в порядке.

– А чего ж зависли?

– Просто отдыхаю, – Катя демонстративно закрыла свою дверцу на защелку – бог его знает этого голубоглазого. Внешность самая разбойничья.

– Что, как папа Штирлиц по дороге в Берлин? – ухмыльнулся водитель «Шевроле». – Я вас, может, разбудил?

– Нет, – Катя отвечала вежливо и независимо – по крайней мере ей так казалось. А сама уже украдкой тянула сотовый из «бардачка» – мало ли... Наберешь 02 вслепую, авось Трубников и услышит.

– Значит, с тачкой все в порядке? Тогда большой привет. Долго тут не спи и не мечтай, – сказал незнакомец задушевно. – Там сзади цистерны с молоком ползут. На первой Жорка Морозов из Рогатова. Ему пьяному на пути не попадайся. Живо всю задницу до бензобака всмятку сплющит, – он кивнул на кузов Катиной «семерки». – И не хнычь потом, что я тебя не предупредил.

Внедорожник с ревом газанул, и только пыль взвилась на дороге. Катя быстро завелась и поехала. Молоковозы догнали ее уже на шоссе. Из кабины головного молоковоза лилась громкая песня из врубленной на полную громкость магнитолы. Впереди на обочине замаячил салатовый жилет гаишника. И молоковозы сразу отстали, а радио заглохло.

Катя вздохнула с облегчением: Славянолужье, арриведерчи. Есть места, в которые лучше не возвращаться. Потому что – и в этом ваше сердце не лжет – ничего хорошего из этого все равно не выйдет. По дороге домой Катя искренне думала, что в Славянолужье она не вернется никогда.

На закате, когда солнце медленно опускалось в реку, окутывая лес и луга сумеречной дымкой, Николай Христофорович Трубников приехал на мотоцикле на хутор Татарский. Название места было старым, но от старины почти ничего не осталось. Самого хутора давно уже не было и в помине. А окрестности были заняты дачниками. Однако и дач тут было пока немного. Москвичи неохотно ехали в такую даль.

Трубников ехал на своем «Урале» на дачу под номером три. Номеров, собственно, официально никто домам и участкам здесь не присваивал. И так как в Татарском не было ни улиц, ни переулков, сами дачники выбрали для своих домов числа, какие кому больше пришлись по вкусу. В результате дача Бранковича шла под номером 13, дача Галины Островской под номером три, а дом Александра Павловского, стоявший по соседству с дачей Бранковича, имел своей визитной карточкой семерку.

Николай Христофорович Трубников остановил мотоцикл у дома Островской. Некогда дом этот был обычной деревенской избой. Но трепетно разобранный по бревнышку, перевезенный на берег Славянки, заново собранный и обшитый вагонкой, он являл собой теперь уже зрелище не избы, а именно дачи: крыша с мансардой-фонариком, деревянное крыльцо-веранда, открытая всем ветрам, с вечно сушащимися на перилах купальниками и полотенцами.

Летними погожими вечерами на этой веранде за круглым колченогим столом, покрытым клеенкой, частенько собиралась теплая компания. Но сейчас, кроме хозяйки дачи Галины Юрьевны Островской, на веранде не было никого. Островская лежала на тахте в углу и вроде бы читала книгу. Заслышав шум мотоцикла, она медленно перевернула страницу и даже головы не подняла.

Трубников неспешно шел к крыльцу. Вокруг дома не было никакого забора. Не было даже живой изгороди из кустов. Дом всеми своими деревенскими подслеповатыми оконцами смотрел на реку. В маленьком палисаднике росли подсолнухи и мальва, у ступенек – осока да лопухи. На крыльце Трубникова как старого друга встретила сиамская кошка Островской Ньюшка.

Если бы в эту минуту Катя, которая была уже далеко от Славянолужья, могла наблюдать Николая Христофоровича Трубникова, она бы чрезвычайно заинтересовалась переменной в облике участкового. А то, что Трубников в присутствии бывшей, некогда шумно известной, а ныне всеми забытой актрисы Островской разительно меняется, в Славянолужье знали все. Или почти все.

Трубников, стараясь не топтать сапогами, а ступать деликатно, поднялся на крыльцо. Снял фуражку и вытер вспотевший лоб. Смущенно кашлянул. Кошка доверчиво терлась о его пыльные милицейские брюки.

– Вечер добрый, – произнес он. И совсем не таким голосом, каким разговаривал с Катей. Но что было в этом голосе и чего там не было – оставалось только догадываться.

– Николай? Вы? Здравствуйте. А я вас не заметила. Зачиталась... Какой божественный поэт Катулл. Просто мурашки по коже, когда читаешь. Сгусток страсти... Устали, Коленька? Садитесь. – Островская лежала на своей продавленной дачной тахте, щурила глаза.

Она была очень худой и, несмотря на свои сорок семь лет, еще очень яркой женщиной: темноглазой брюнеткой цыганского типа. На ней был простенький дачный сарафан из красного ситца и тапочки-вьетнамки.

– Чаю хотите? С медом? – спросила Островская.

– Не откажусь, в горле что-то от пыли першит, – Трубников переминался с ноги на ногу.

– Да вы присаживайтесь. – Островская гибко приподнялась. – Я сейчас чайник на плитку поставлю. А вон и Туманов Костя едет. Наконец-то!

Вдали на проселке послышался шум мощного мотора, и через пять минут бордовый внедорожник «Шевроле» – тот самый, что повстречался Кате, лихо затормозил рядом с милицеским мотоциклом. Константин Туманов быстро вбежал по ступенькам на крыльцо. В руках у

него была спортивная сумка, а в ней – арбуз, яблоки, колбаса, помидоры и две бутылки водки местного разлива.

– Вот, принимайте заказ, Галиночка, – он весело и шумно вывалил всю снедь на стол. Взвесил в руках огромный арбуз. А водку вытащил и поставил очень аккуратно. – Христофорыч, привет. Милиция наша, как всегда, уже тут как тут. А где эти твои?

– Кто? – неприветливо спросил Трубников, косясь на бутылки.

– Ну, начальники, проверяющие, следователи. Ты ж говорил – из Москвы которые специально присланные?

– Одна и была. Уехала, – нехотя ответил Трубников. – Я думал, правда кого-то дельного, серьезного пришлют, помощь окажут. А прислали девчонку. Покрутилась-повертелась и уехала. Скатертью дорога.

– Это на красной мыльнице, да? – Туманов усмехнулся, голубые глаза его сверкнули удовольствием. – А это я ее, наверное, и видел, когда в Рогатово на рынок ездил. Сидит за рулем – мечтает. Из себя ничего, складненькая... Я ей говорю, слышь, Христофорыч, девушка, зря сидите. А она на меня вот такими глазами. Я ее, кажется, напугал, – Туманов еще шире заулыбался. – Наверняка решила, что я на ее мыльницу красную глаз положил, отниму, ограблю. Она кто ж такая будет, следовательно, что ли?

– В главке работает, в пресс-центре, – Трубников вздохнул. – Там у нас много спецов разных. Только работать некому. Убийства раскрывать, дерьмо разгребать.

– Коля, вы ей сказали? Рассказали ей о... – Островская не договорила, потому что Трубников буквально отмахнулся, отсекая продолжение фразы.

– Бесполезно это все, – сказал он с досадой, – говори не говори... Все без толку. Сам же в дураках и окажешься.

– Значит, вы так ничего и не сказали? – Островская покачала головой.

– Мы на место с ней вышли, в морге были. К Чибисовым ездили... Мрак у них там крошечный, у Михал Петровича-то дома.

– Я «Скорую» видел, – тихо сказал Туманов. – Это снова к ним она поехала?

Трубников кивнул.

– Кто бы мог подумать, что здесь может случиться такое, – сказала Островская. – Вот и отрицай очевидное – невероятное... Вот и говори, что чудес не бывает. Страшных чудес.

– Вся эта здешняя чушь тут ни при чем, – твердо сказал Трубников. – Я вам говорил, Галя, и еще сто раз повторю. Мы имеем дело просто с уголовным преступлением. И только.

– А мне иногда, особенно когда на небе ни звезд, ни луны и только ветер воет в трубе и дождь стучит по крыше, хочется, чтобы, кроме этого вашего «и только», было еще что-то. Но я боюсь. – Островская неотрывно смотрела на багряный закат над речкой. – Так сильно хочу и так смертельно боюсь, что даже волосы шевелятся... Туманов, дорогой мой, ну что же вы столбом стоите? Будьте же настоящим мужчиной до конца – открывайте наконец, разливайте... – Островская перевела свои цыганские глаза на бутылки водки. – Я вас так трепетно ждала, Костя. Вас так ни одна самая пылкая девушка ждать не будет, как я ждала... Боялась, что вы не купите, не привезете мне моего сердечного лекарства... Ну же, не испытывайте моего бедного терпения. Стаканы в буфете. Вы отлично знаете где.

Туманов усмехнулся и пошел в дом за стаканами и тарелками. Трубников хотел было что-то сказать – решительное, горячее и гневное, но Островская не позволила – соскочила с тахты, приблизилась, закинула худые смуглые руки на его плечи, царапая ногтями как кошка майорские звезды на погонах. Покачала головой и приложила свой палец к его губам.

Глава 5

БЕЛОЕ

В просторной больничной палате было тихо и прохладно. Ветер колыхал легкие белые шторы. Антон Анатольевич Хвощев лежал на больничной кровати и смотрел, как вздуваются и опадают шторы.

О том, что его сына Артема больше нет, Хвощев узнал двое суток назад по телефону. Сотовый все еще был на тумбочке – туда, подняв с пола, положила его медсестра. Телефон выскользнул из рук Хвощева и шлепнулся на пол. Однако уцелел и работал по-прежнему исправно. И это было странно. Более чем странно...

Хвощев с усилием пошевелился – лежать было неудобно. Спина затекла, подушка была жесткой и высокой. Удивительное дело – с пластмассовой электронной коробкой, которая звонила и пищала, не случилось ничего. А вот с этим большим, сильным, некогда очень здоровым и крепким мужским телом произошла полная катастрофа. А ведь, если прикинуть пропорции и рассчитать, высота падения была примерно одинаковой.

Самолет сделал короткий разбег по расчищенной от снега взлетной полосе, оторвался, загудел мотором, ввинчиваясь пропеллером в тугой морозный воздух, и... упал всего-то в трех-стах метрах от взлетной полосы. И было белое поле – белое, как свежестираная простыня. И снег – обжигающий кожу ледяным ожогом. И боль во всем теле. Все это уже было однажды. Давно. И потом повторилось.

Хвощев снова попытался пошевелиться. В палату вошла незнакомая нянечка. В этом столичном госпитале Хвощев находился уже почти пять месяцев. И все эти пять месяцев за ним ходили разные сиделки. Они получали почасовую плату за уход и передавали Хвощева, точно курицу, несущую золотые яйца, из рук в руки. Так здесь было заведено. Они все хотели заработать, но дело свое знали и всегда были предупредительны и услужливы.

– Вам помочь перевернуться на бок? – спросила нянечка. – Давайте потихоньку, вот так хорошо... Может, окно закрыть? Вам не дует?

– Нет. Оставьте. Скоро я буду сам вставать и сам закрывать, – произнес Хвощев.

– Конечно, вы скоро поправитесь, – сказала сиделка и отвела взгляд.

И оттого, что она солгала – из жалости и по профессиональной привычке, – Хвощеву захотелось сказать ей что-то особенно неприятное.

– А у меня сына убили, – произнес он четко и отдельно, смотря прямо в бледное бесцветное лицо сиделки. – Зарезали два дня назад.

Сиделка растерянно заморгала. Было видно: она не знает, что ответить, как реагировать, и судорожно соображает, как быть. И от этого ее глупого бабьего замешательства на душе Хвощева стало легче.

– Боже, как же это? Извините, я не знала... Горе-то какое... И что же – молодой? Да? Беда-то какая, ой... – Сиделка лепетала все это быстро и бессвязно. Хвощев отвернулся от нее и уперся взглядом снова в окно. Белые шторы парусили от ветра.

Белого вообще вокруг было слишком много – в этой просторной отдельной палате, арендованной в престижном столичном госпитале на коммерческой основе. Хвощев почувствовал, что остро ненавидит все это белое. Ненавидит по одной только причине – потому что...

Зазвонил мобильный телефон, и сумбур мыслей прервался. Сиделка подала Хвощеву телефон.

– Это я, здравствуй, братишка. Как сегодня себя чувствуешь?

В трубке тихо рокотал голос Чибисова. Они уже говорили друг с другом в эти два страшных дня, и не однажды. Но о смерти Артема Хвощеву сообщил все же не Чибисов, а отец Феокист.

– Завтра похороны, – сказал Чибисов. – Я все сделаю. Ты ни о чем не беспокойся. А сегодня я приеду к тебе.

– Хорошо, – ответил Хвощев. – Как Полина?

Чибисов в трубке тяжело вздохнул. Повисла долгая пауза. Хвощев облизал пересохшие губы.

– То, о чем ты мне говорил в прошлый раз, подтвердилось? – спросил он.

– Да, – хрипло ответил Чибисов. – Трубников сказал: одно к одному, как и в тот прошлый раз у Борщовки.

– Ты тело моего сына видел? Сам видел?

– Видел, меня в морг опознавать возили. Но в тот раз мы же ничего с тобой не видели – ни *его*, ни места... Поэтому я только с чужих слов тебе говорю – вроде тот же случай. Очень похожий. Ты... ты что молчишь? Антон! Алло!

– Извини, ко мне... врач пришел. Тут у нас обход, – с усилием произнес Хвощев.

– Я к тебе сегодня приеду...

Снова повисла неловкая пауза. Чибисов не высказывал в эти два дня никаких традиционных бодрых пожеланий: «Будь здоров», «поправляйся». Закончить разговор можно было только одним способом – Хвощев просто нажал на кнопку, отключая мобильный.

Никакого обхода не было. Сиделка вышла. Хвощев был в палате один. Все его внимание снова приковали к себе белые шторы на больничном окне. А за ними была только мгла пасмурного июльского дня.

Глава 6

КОЛОСОВ СНОВА НЕДОГОВАРИВАЕТ

Для того чтобы встретиться с Колосовым, Кате вновь пришлось ждать, пока в розыске закончится очередное совещание. Оно, как всегда, затянулось до бесконечности, и в свой родной кабинет начальник отдела убийств вернулся страшно недовольный окружающими и собой.

Когда Катя вошла, Колосов копался в сейфе. На столе на груде бумаг (очень необычная деталь, потому что стол всегда был девственно-чист, как футбольное поле зимой) лежала потерянная пистолетная кобура и запасные обоймы. Никита держал в руках сразу два пистолета – свой табельный «макаров» и неуклюжий «длинноносый», как его называли опера, «стечкин». При хмуром, почти свирепом виде раздосадованного вышестоящей критикой начальника отдела убийств это было так внушительно и вместе с тем так забавно, что Катя даже споткнулась в дверях, зацепившись за порог девятисантиметровой шпилькой.

– Кто там еще?! Застрелиться, к такой матери, и то не дадут спокойно! – рывкнул Колосов, обернулся, увидел онемевшую от изумления Катю и медленно поднес дуло «длинноносого» «стечкина» к лицу.

– Никита! – вскричала Катя. – Никита, миленький, ты что?

После того что она видела в Славянолужье своими собственными глазами, ей показалось... померещилось... Нет, она просто поверила, она готова была верить во что угодно.

Колосов меланхолично почесал дулом левую бровь.

– Здравствуй, Катя, – сказал он мирно и дружелюбно. – Ну, как съездила?

– Это что... там у тебя? – с запинкой просила Катя, кивая на пистолеты.

– А это... Это я завтра с опергруппой на Плещеево озеро еду. Информация пришла, что один из поделщиков Шворина вроде бы там объявился. Засады устроим по всем его тамошним адресам – он ведь родом оттуда. Вот решаю, что брать с собой, который в руке лучше лежит, привычнее. – Колосов взвесил оба пистолета.

Катя тщетно искала глазами на столе предмет потяжелее: запустить бы вот этой пепельницей в шутника.

– Ты что? – спросил Никита. – Испугалась, что ли?

Катя, возможно, впервые в жизни не нашлась с ответом.

– За меня испугалась? – Он положил пистолеты в сейф, толкнул кулаком его стальную дверь, подошел к Кате.

– Серьезно? – Он наклонился, заглядывая ей в лицо.

– А если бы этот урод нечаянно выстрелил? – спросила Катя про «длинноносый» «стечкин».

– У меня?

– У болванов палки стреляют. – Катя отстранилась: Колосов нагнулся уж слишком близко. – Знаешь, я не выполнила поручения, с которым ты послал меня «поди туда – не знаю куда».

– У тебя новые духи? – спросил Никита тихо, никак не реагируя на ее доклад.

– Прелесть, правда? Муж подарил.

После этой фразы реакция была полностью предсказуемой: Колосов вздохнул и, помрачнев, отступил. Словечко «муж» действовало на него всегда отрезвляюще.

– Что ты там не выполнила? – спросил он с наигранным безразличием.

– Не допросила главного свидетеля – Полину Чибисову. Ведь ты меня за этим в Славянолужье послал? Так вот, я не говорила с ней об убийстве Хвощева, даже не пыталась.

– Почему? – Колосов запер сейф на ключ.

– Потому что она на наших глазах пыталась покончить с собой. – Катя с грохотом отодвинула стул и села. – Вот так-то. И ты еще, клоун, передо мной представления разыгрываешь.

– Ну, прости. Мне было так приятно, когда ты так нежно назвала меня «миленький». «Миленький ты мо-ой... возьми меня с собо-ой, там в краю далеком, буду тебе...» – Колосов пропел тихонько, так и не закончив куплета. – Значит, вот какой у нас расклад – меня дня три, а может, и все пять здесь, в главке, не будет. А дело в Славянолужье ждать так долго не может.

– На что это ты так прозрачно намекаешь? – сразу насторожилась Катя.

– Я хочу послушать тебя, что ты мне расскажешь. Кстати, я тебя посылал туда именно за живыми непосредственными впечатлениями, а не ради допроса Чибисовой. Допрашивать ее сейчас, пока она полувменяема, – это просто садизм. Я и следовательно это говорил. Да только прокуратура, как всегда, слушает вполуха. Сегодня следователь к Чибисовым выехал... Ну а твое личное впечатление от всего увиденного?

– На первый взгляд это самая обычная, тихая подмосковная глубинка, – ответила Катя.

– А на второй?

– Опять же тихое и какое-то странное место. Или, может, на меня оно так действовало... Ты ведь мне не все рассказал, правда?

Колосов помолчал.

– Что ты видела? – спросил он после паузы. – Я хочу знать, что ты там видела – одни голые факты.

И Катя, стараясь быть точной, начала излагать факты по порядку.

– Так, ясно, – подытожил Никита, когда она умолкла. – Заключение судмедэксперта я пока еще не получил, но с ним самим вчера по телефону разговаривал. Так что представление имею. Предварительные исследования по месту происшествия и машине наши в ЭКУ уже сделали. Вот. – Он достал из папки на столе документы. Катя заметила, что в папке документов было прилично, а знакомил ее Колосов пока лишь с двумя тонюсенькими заключениями.

– А там что у тебя? – спросила она, кивая на папку.

– Так, бумажки... Возьму с собой, на досуге изучу.

– Это на Плещеевом-то озере в засаде?

– Катя, меня интересует пока, точнее, я верю лишь тому, что ты мне сейчас рассказала, – Колосов отодвинул загадочную папку. – Видела ты немного, но этого пока вполне достаточно, потому что это факты и реальность. Все же остальное... под очень большим вопросом. Скажем так.

– Мне было бы легче понять тебя, Никита, понять, что надо делать, если бы ты был более откровенен, – с обидой заметила Катя.

– Если я о чем-то пока молчу, то это не от недоверия. Честное слово. Я просто хочу, чтобы ты смотрела на все происходящее в Славянолужье трезвым, незамутненным взглядом. Когда снова отправишься туда, то...

Катя выпрямилась:

– То есть? Я не ослышалась?

Колосов пожал плечами, улыбнулся:

– В принципе ты вольна поступать как хочешь.

– Ты желаешь, чтобы я снова туда поехала и... и что?

– И осталась там на некоторое время. Трубников все устроит. Там можно даже дачу снять.

У Трубникова на примете есть одна хозяйка, как раз в Татарском – местная учительница.

– Вы этот вариант обсуждали с самого начала? – спросила Катя. – Ну, что я там останусь?

– Да.

– С Трубниковым обсуждали?

– Не только с ним.

– Ты боишься, что мы потеряем главного свидетеля? – спросила Катя прямо. – Ты считаешь, что кто-то может расправиться с Чибисовой?

– Катя, я знаю пока лишь одно – это дело очень и очень непростое. И им надо заниматься немедленно. И не здесь, в главке, и не в районном УВД, а там, в Славянолужье. Сам я этого сделать пока в ближайшие дни не могу. Сотрудники мои частью едут со мной на эту так некстати всплывшую операцию на Плещеевом озере, частью заняты проверкой некоторых фактов, о которых пока рано говорить. Трубников работает на месте происшествия, да, но... Он, конечно, обстановку и людей знает отлично, и опыта ему не занимать, но он местный, понимаешь? Он там вырос, живет там постоянно. И он порой выдает такие перлы, что... хоть стой, хоть падай. По крайней мере, я не знаю, как на это реагировать.

– О чем ты? Какие такие перлы он выдает?

– Ну, говорит порой чудные какие-то вещи для участкового и вообще для милиционера с двадцатилетним стажем. Еще в прошлом году рассказывал мне какие-то дикие небылицы...

– В прошлом году?

– Катя, я того пока даже касаться не хочу, – твердо сказал Колосов. – Расклад, повторяю, такой: в Славянолужье зверски убили парня. Это убийство надо раскрывать, опираясь на материальные улики и реальные факты, а не на то, о чем шепчутся какие-то полоумные деревенские старухи.

Катя внимательно смотрела на Колосова.

– Ты всегда знаешь, на что меня можно купить, – сказала она, покачав головой. – Ох и фрукт ты, Никита... Но я и свою работу не могу вот так просто взять и забросить. У нас полоса в «Криминальном вестнике» в четверг выходит, потом у меня интервью в следственном комитете. Я уже договорилась...

– С начальством я все улажу. Никаких проблем не будет. А журналы твои и газеты еще сражаться будут за материал, который ты там соберешь. В случае раскрытия этого дела не статейку – книжку можно будет напашарить.

– Ты так легко судишь о моей профессии, – хмыкнула Катя. – В засаде на Плещеевом озере и шарашить ничего не надо. Лежи в кустах – загорай, потом кричи: «Руки вверх».

– Не будем считаться, – Колосов снисходительно улыбнулся. – Я, как только с задержанием развяжусь, сразу же приеду к вам с Трубниковым. Может, к этому времени и какие-то дополнительные данные появятся.

– Что в этих справках? – недоверчиво спросила Катя, кивая на отчеты ЭКУ. – Хоть что-то полезное есть?

Никита покачал головой – нет.

– А отпечатки пальцев на машине? – не сдавалась Катя.

– Только самого Антона Хвощева и Полины Чибисовой – те, что изъяли в салоне с приборной панели, с внутренней стороны дверей и с их дорожных сумок в багажнике. С корпуса машины дождь смыл все – нет ни одного пригодного для идентификации отпечатка.

– А следы на месте?

– Ливень превратил поле в топь. Там, наверное, и вчера еще не все просохло, да?

– Да. Там такая лужа, – сказала Катя тихо. – Целое красное море.

– У тебя-то самой какие идеи возникли из того, что ты увидела? – спросил Колосов, закуривая.

– Ну, приехали они туда, бесспорно, сами. Свернули с магистрали в поля. Трубников считает, что... В общем, и мне кажется – причина простая: они искали уединения. Как и все новобрачные в первую ночь.

Колосов смотрел на Катю.

– Место там глухое и безлюдное, – продолжала она, – поле, колосья высокие. Мы когда в рожь вошли, я даже растерялась, не по себе как-то стало. Даже днем там... странно. Тихо,

кругом ни души на многие километры. А ночью, наверное, вообще... Знаешь, я ржаное поле видела первый раз в жизни. Раньше только по телевизору. И мне всегда казалось, что хлеб растет как-то... ну, светло, что ли, радостно. А там все как-то по-другому, хотя рожь зреет богатая... Они приехали туда в третьем часу ночи, и кто-то там на них напал. Возможно, они наткнулись на кого-то или их кто-то преследовал. Только вот я о чем все думаю: отчего этот «кто-то», убив Хвощева таким жутким способом, не тронул Полину? Оставил Чибисову живой свидетельницей? Значит, он не боялся, что она его в будущем может опознать? Значит, это был кто-то не местный, кто-то, не связанный с Славянолужьем? Может, какой-нибудь гастролер, транзитник или бомж, который сегодня здесь – завтра там?

Колосов снова пристально посмотрел на Катю.

– Я не стал бы тебя даже беспокоить, если бы речь шла о каком-то бомже, – хмуро буркнул он. – За кого ты меня принимаешь, а?

Катя вздохнула.

– А что я своему Вадику скажу? – спросила она уныло.

– Скажешь, что это очень ответственная служебная командировка. Скажешь, что тебя сам начальник управления, генерал, выбрал из многих, многих и многих.

– Вообще-то он сможет приехать ко мне в пятницу и на все выходные, – осенило вдруг Катю. – Места там красивые. Интересно, а в этой Славянке рыба водится? Жаль, Сережечка Мещерский с группой экстремалов в Приэльбрусье уехал. А то бы они оба там с удочками сидели на берегу, карасиков ловили. И мне было бы веселее, спокойнее, правда?

Колосов мрачно пожал плечами. Сергей Мещерский был и его близким другом, а вот любое упоминание Катей «драгоценного В.А.» резко ухудшало его настроение. Так было всегда. Катя к этому привыкла. Иногда не обращала на это внимание, а иногда делала это нарочно. Как, например, сейчас.

Она ждала, что ответит Никита.

– С отдыхом на природе там вряд ли получится, – хмуро сказал он. – И вообще, Катя... Когда ты там будешь, води себя предельно осторожно. Это не то место, чтобы расслабляться, несмотря на всю его красоту и тишину. Полину Чибисову допросить необходимо. Это теперь задача номер один в любом случае. Остальное – по обстановке. Мне будешь оттуда регулярно звонить – мобильная связь там работает.

– И в случае непредвиденной грозной опасности ты сразу же примчишься меня спасать, – усмехнулась Катя.

– Хоть днем, хоть ночью, – без тени улыбки ответил Никита.

И от этой его серьезности у Кати – вот странное дело – одновременно и на душе потеплело, и стало тревожно, беспокойно. Видимо, вопрос о ее славянолужской командировке был предreshен. И от ее мнения мало что зависело. А ведь она думала, что уже никогда не вернется туда. Более того – она чувствовала: она не хочет туда возвращаться. Потому что именно это место – в то мгновение у нее не было в этом никаких сомнений – приснилось ей во сне, который она отчего-то не в силах была забыть.

Глава 7

ОРАНЖЕВОЕ

В восемь вечера, когда опустели кабинеты и коридоры главка, Никита Колосов позвонил в Управление по борьбе с организованной преступностью начальнику первого аналитического отдела Геннадию Обухову.

С Обуховым у Никиты отношения были сложные. Характер у шефа аналитиков был заносчивым и надменным. Однако при всей своей обоюдной недоверчивости и антипатии Колосов и Обухов по целому ряду вопросов попросту не могли друг без друга обойтись. И это сближало «антиподов».

Об Обухове, как и о Колосове, в областном ГУВД ходили легенды. Если в отношении начальника отдела убийств это было связано с раскрытиями и задержаниями, то шеф рубкоповских аналитиков считался самой осведомленной фигурой по самому широкому кругу вопросов. Геннадий Обухов был и правда настоящей ходячей копилкой оперативной информации, но копилкой прижимистой, бездонной и трудно вскрываемой. К любым, даже самым пустячным, сведениям у Обухова было почти трепетное, благоговейное отношение. Информация рекой текла в банки данных, любовно обслуживаемые обуховскими аналитиками, оседая на бесчисленных жестких дисках и дискетах. Для того чтобы поднять полное досье на того или иного авторитета, члена преступной группировки, фигуранта уголовного дела, отказного материала или просто подозрительного происшествия, не попавшего в криминальные сводки, Геннадию Обухову требовалось не более пяти минут. Но уговаривать и уламывать его поделиться сведениями порой приходилось часами.

Никита от такого общения, бывало, терял последнее терпение, бурно выходил за рамки приличия, грохоча по столу кулаком и гневно посылая весь аналитический отдел в целом и его «аналитическую маму» в частности, чем приводил спокойного, как танк, и ехидного Обухова в состояние восторга. «Когда ты меня вот так кроешь, Никита, – говаривал он, – у меня на душе будто соловьи поют. Это ж надо таким виртуозом родиться, а? Ты бы хоть компакт, что ли, подпольный выпустил. А то жаль, если такой редкий талант в землю зря зароешь».

Однако этим летним вечером все обошлось без ругани, мирно. Страсти кипели в прошлом, сейчас же разговор получился коротким:

– Гена, здорово, Колосов. Новости есть? – спросил Никита.

– Как для кого. А ты все в управлении паришься? А я уже одной ногой на пороге... Слушай, давай завтра, а?

– Завтра я в командировке, – оборвал его Колосов. – И ты это отлично знаешь. Есть хоть что-то для меня?

– Пока могу только показать тебе это место, – хмыкнул Обухов. – Насчет информации – это придется отдельно с Петровкой договариваться.хлопот много, Никита. А выгоды я не вижу.

– Если раскроем, вам это тоже в отчет пойдет по тяжким, особо опасным.

– Дело до сих пор на Тульском УВД висит. Даже если раскроем – нам мало что обломится, все равно потом ГУУР заберет, министерские любят все объединять. А на Житной, ты же знаешь, зимой снега не выпросишь, не то что там поощрения или повышения. А потом, это ведь еще раскрыть надо, Никита...

– Что за место? – спросил Колосов. – Где? Далеко?

– В Москве сейчас все близко. Рукой достанешь. Это на Лужнецкой набережной, Никита.

– Поехали туда.

– Сейчас?!

– Через час! – рявкнул Колосов. – Жду на перекрестке Комсомольского и набережной.

На Москву опускались фиолетовые сумерки. Гул города постепенно стихал. Пробки на улицах рассасывались. Запоздалые прохожие торопились домой – к столу, телевизору, дивану, жене.

Вечерами – особенно такими летними, неприкаянными – Никита особенно остро чувствовал одиночество и смутную тоску. По пути на Комсомольский проспект он думал о Кате. Через несколько дней она окажется одна в этом Славянолужье. Что-то ждет ее там? И его не будет рядом...

Обухов на своем фасонистом подержанном «БМВ» бог знает какого года выпуска опоздал на четверть часа.

– Езжай за мной, – распорядился он с ходу, всем своим видом показывая, что главный тут все равно он. – Да не отставай. Я не обязан целый вечер с тобой валандаться, прихоти твои дурацкие выполнять.

Изрек и как дал газу – благо Лужнецкая набережная к этому часу была уже пустой.

Над Москвой-рекой зажигались фонари. Свет их отражался в темной воде, дрожал на поверхности, дробился, распадаясь на тысячи тусклых огоньков.

Минут через десять бешеной гонки Никита увидел впереди на набережной приземистое здание из стекла и бетона, густо облепленное оранжевой сияющей рекламой.

Обухов проехал вперед, миновал платную парковку, затем лихо развернулся против всех правил поперек встречного движения и остановился на противоположной стороне набережной. Колосову на его старой черной как жужелица «девятке» пришлось выполнить тот же маневр.

– Приехали. Вот это место, – сказал Обухов, вылезая из машины. – Вывеску они здесь давно сменили.

Здание, на которое они смотрели, было не чем иным, как развлекательным комплексом из тех, что с одинаковой справедливостью именуются и ночными и круглосуточными. Фасад из сплошного тонированного стекла украшали оранжевые неоновые панно «Клуб «Пингвин». Ресторан-бар. Боулинг. Бильярд. Сауна люкс, а также яркие рекламы «Мартини» и «Баккарди».

– Новый владелец сменил и старое название, и весь имидж заведения, – сказал Обухов. – А год назад вся ночная Москва знала это место как клуб «Бо-33».

– Когда клуб был продан? – спросил Никита.

– По документам ровно через полтора месяца после того, как... – Обухов хмыкнул. – В середине августа прошлого года. Быстро акционеры собственностью распорядились. Просто моментально.

– И на наследство никто не претендовал?

– А не было никаких наследников, Никита. Этот «Бо-33» продали фактически с молотка.

– А персонал?

– Это отдельный разговор. Это уточнять надо, перепроверять. Год все же прошел. И вообще я не понимаю – я тебе место показал, документы поднял, а ты хочешь, чтобы я еще и...

– Тихо, сдаюсь, – Колосов поднял руки. – Ты, Генка, с годами такой сварливый становишься, как дед мой покойный... Последний вопрос: то, что я просил особо уточнить, – кто-нибудь из акционеров связан как-то бизнесом со Славянолужьем или Тулой?

– Никто не связан. Это я проверил. Думаю, об этом месте они и не слышали даже.

– А нынешний владелец этого «Пингвина»? – Колосов кивнул на рекламу.

– Он по паспорту гражданин Азербайджана. Постоянно проживает то в Баку, то в Анкаре. В Москву наведывается не так уж и часто. Кроме этого «Пингвина», у него целая сеть развлекательных центров и залов игровых автоматов в столице и в Питере. «Золотое колесо» на Балчуге видел отгрохали? Это тоже его. Говорят, там шикарные девочки-крупье...

Колосов смотрел на апельсиновую рекламу: по мерцающему неоновому панно смешно вышагивал толстый оранжево-черный пингвин в цилиндре. На платной стоянке перед дверями клуба ждали своих хозяев несколько дорогих иномарок.

– Надо установить, кто из старого персонала «Бо-33» до сих пор работает здесь, – сказал Никита. – Меня интересуют те, кто знал его прежнего владельца.

– Ты думаешь, спустя год они захотят что-то сказать? – усмехнулся Обухов. – Год молчали, как покойники, а теперь вдруг языки развяжут?

Оранжевый жуликоватый пингвин на панно словно в подтверждение этих сомнений развязно и весело подмигнул Колосову черным глазком-пуговкой.

– Надо попытаться, – упрямо сказал Никита. – Все равно ничего другого по этому эпизоду нам не остается.

– Тебе, – лаконично уточнил Обухов. – Знаешь, что меня в тебе больше всего бесит? Сам себе вечно работу ищешь и другим жить спокойно не даешь. На черта оно тебе это все надо, а? Все равно это дело бесперспективное.

Оранжевый пингвин неожиданно подпрыгнул, перекувырнулся и лопнул, превратившись в слепящий глаза фейерверк апельсиновых брызг.

Глава 8

ОГНИ

– Интересно, как это ты там будешь находиться? И главное, меня просто перед фактомставишь – хорошенькое дельце. А если я тебе не разрешу ехать?!

– Вадичка, но как же? Это же моя работа!

Разговор на повышенных тонах происходил вечером у Кати дома. Едва она заикнулась, что ей придется временно перебраться в Славянолужье на «дачу», Кравченко взорвался.

– Ты только о себе и думаешь! – бушевал он. – А я? Ты меня спросила – хочу я этого или нет?

– Но, Вадичка, ты же сам сто раз говорил, что дача – это здорово. Что, раз я теперь сама на машине езжу, мы могли бы жить все лето за городом...

– Правильно. У моего отца на даче. А не в какой-то дохлой деревне у черта на рогах.

– Да это совсем недалеко, – вкрадчиво лукавила Катя. – Подумаешь! Даже такая, как я, сумела проехать. А для тебя с твоим умением водить машину, с твоей скоростью и мастерством – это вообще час езды... ну два... Ты же машину водишь как бог. Я на тебя просто люблюсь, когда ты за рулем.

– Не смей ко мне подлизываться.

– Я не подлизываюсь, я правду говорю. Могу я тебе хоть раз в жизни сказать, что я тобой просто восхищаюсь и горжусь?

Пораженный Кравченко, ожидавший чего угодно, но только не этого, умолк.

– Сколько ты там собираешься пробыть? – спросил он наконец. И Катя поняла – капитуляция близка.

– Мне надо обязательно допросить главного свидетеля – некую Полину Чибисову, – сказала она. – Для этого меня туда и отправляют. Чибисова при мне покушалась на самоубийство, состояние психики у нее пока непредсказуемое, разговаривать она ни с кем не хочет. Поэтому мне понадобится время, чтобы войти с ней в контакт и узнать, что произошло с ней и ее женихом. Я думаю, что все это займет у меня примерно неделю, ну, может быть, дней десять. А ты на выходные спокойно можешь ко мне туда приехать.

– Очень я тебе там буду нужен, – буркнул Кравченко.

– Если бы не твоя работа, – Катя вздохнула, – я вообще бы просила, чтобы ты поехал туда со мной. Побыл там.

– Зачем?

– Так просто... Для надежности. Для меня. Я что-то боюсь, Вадичка. Если совсем честно – я очень не хочу туда ехать и оставаться там одна.

– Это из-за того, что ты в морге видела?

– Да и нет... Не только из-за этого. Я не знаю, – Катя устало улыбнулась. – Просто мне неуютно там будет без тебя. Ну, раз ты совсем ехать не желаешь, то...

– Я там буду утром в воскресенье, – Кравченко произнес это хоть и сердито, но уже совсем, совсем иным тоном. – В субботу Чугунов-работодатель на выставку «Экспострой» едет. Я его обязан сопровождать. Там мэр будет, прочие шишки, так что Чугунов мой всем им и Москве о себе напомнить желает. А в воскресенье у меня выходной. Я приеду к тебе. Постой, а где ты там остановишься? У этого пенька-участкового, что ли?

– Там одна старушка дачу сдает – учительница Брусникина, – успокоила его Катя. – Это все уже устроено, – она торопилась, чтобы Кравченко не передумал. – Только я буду жить не в самом Славянолужье, а... там местечко есть – Татарский хутор называется. Это дачный поселок вроде бы. Недалеко от особняка Чибисовых.

– Особняка! – усмехнулся Кравченко. – Дача бабульки-учительницы... Знаю я эти дачи. Скворечник, наверное, дырявый, удобства в огороде, колодец за три километра пешком, во дворе куры-гуси, грязь непролазная.

Катя скорбно вздохнула. Такие подозрения посещали и ее. Перспектива проживания на каком-то неведомом хуторе Татарском ее совершенно не радовала.

– Это все ненадолго, Вадик, – сказала она бодро. – Всего на несколько дней. А ты едешь в воскресенье. Сделаем шашлыки, вишни на рынке можно будет купить... Потом там река Славянка – ты удочки с собой можешь взять. Там берега крутые, как в сказке про высокую горку, и, говорят, щуки водятся и сомы на пятьдесят килограммов.

– Я порой тебе просто удивляюсь, Катька, – Кравченко покачал головой. – И о чем только ваше начальство милицейское думает, посылая такую, как ты, убийство раскрывать?

– Я должна всего-навсего допросить главного свидетеля, – скромно сказала Катя, – насчет раскрытия там другие будут стараться – следователь прокуратуры, участковый и...

Она вовремя прикусила язык, не назвав фамилии Колосова. Иначе весь с таким трудом достигнутый компромисс рухнул бы в мгновение ока. Кравченко, никогда не встречавшийся с начальником отдела убийств лично, заочно его не переваривал. Любое упоминание Колосова заводило его и настраивало на воинственный лад.

– Начну потихоньку собираться, – сказала Катя кротко. – Завтра доделаю все срочные дела, статьи распишаю по изданиям, а в четверг поеду в Славянолужье. Участковый будет меня снова встречать на старом месте.

– Как это у тебя все легко и просто получается, – Кравченко вздохнул. – Интересно получается... Я всего десять минут назад категорически против был, чтобы ты ехала, а сейчас... сейчас уже сижу, соображаю, как болван, что из еды тебе в дорогу купить.

Катя поднялась на цыпочки, обвила шею мужа руками и благодарно поцеловала его, стараясь изо всех сил, чтобы «драгоценный» не заметил ее торжествующей хитрой улыбки.

Но на этом сборы не закончились.

– Вот тебе атлас Подмосковья. Здесь этот район подробно обозначен, – напутствовал ее «драгоценный В.А.» на следующий день, вручая ей атлас. – По сторонам там не просто глазей, а сориентироваться старайся на местности, где сама остановишься, где убийство произошло, где главные фигуранты живут.

– А там пока никаких фигурантов нет, – ответила Катя, – и подозреваемых нет. Есть только свидетели – гости, что на свадьбе были. Кстати, Вадичка, тебе фамилия Павловский знакома?

– Человек семь могу с такой фамилией назвать. Некоторые по ящику даже выступают.

– Павловский по имени Александр – такого помнишь?

Кравченко удивленно присвистнул.

– Он что же, там теперь проживает? – спросил он.

– Вроде бы. Участковый Трубников его упомянул. Я сначала не сообразила, о ком это он, только потом вспомнила.

– Давно его в Москве не видно, – хмыкнул Кравченко. – И не слышно. С журналистикой он вроде бы вашей расплевался совсем. Завязал.

– Он, кажется, в Боснии воевал? – спросила Катя.

– И в Косове, и в Приднестровье, и в Абхазии, и в Чечне. Я его репортажи военные видел и фильмы. Где стреляют – там и он... Мужик он ничего, отважный. Только с головой у него, по-моему, давно не все в порядке. – Кравченко усмехнулся: – Ему бы в век Байрона родиться, Лермонтова. Дуэли там, кони, черкесы, казаки, Кавказ подо мною... А не теле-еле-новости. Даже чудно было его видеть с камерой в руках. Впрочем, он среди журналистов всегда белой вороной был. И на всех за это огрызался. А вел себя подчас красиво, да. Но как последний дурак.

– Про него писали, что он какого-то губернатора на дуэль вызвал – на пистолетах и на палахах в конном строю, – засмеялась Катя.

– Губернатор в результате все в хохму превратил, – сказал Кравченко. – Я, если б на то уж пошло, в русскую рулетку ему предложил бы сыграть.

– Ты бы! – Катя махнула рукой. – Конечно, ты у нас круче всех... Ой, я не то совсем хотела сказать. Конечно, смешно в наше время совершать такие нелепые поступки...

– Вот-вот. Смешно, но вам, женщинам, нравится. Кстати, у него к женщинам – я это сам в одном его интервью читал – чисто потребительское отношение. Женщина – это отдых солдата. Наложница и служанка. И все. Никаких там чувств и сантиментов – чистая физиология. Чем же этот Чайльд-Гарольд Иваныч в Славянолужье теперь занят?

– Трубников назвал его «наш скотопромышленник». Сказал, что он какую-то барду на спиртзаводе Хвощева-старшего покупает на откорм каких-то герефордов.

– Это коровки такие мясные, – снисходительно пояснил Кравченко. – Да, вот это по-нашему, по-бразильски... Из бретеров и народных трибунов в скотопромышленники. Деньжата надо чем-то зарабатывать на хлеб с маслом. А в «горячих точках» болтаться обрыдло. Партии своей не создашь – вакансий нет, в депутаты выбраться – он уж там был однажды. Кажется, чуть от скуки не загнулся. Так что самое время – на покой, к земле поближе. Ему сколько, сорок, наверное, уже стукнуло? Ну, правильно. Это в тридцать хорошо с «калашниковым» наперевес по Балканам скакать. В сорок пора родовое гнездышко вить да «зеленые» в банке копить на обеспеченную старость.

– Ты так говоришь, будто все о нем наверняка знаешь, – возразила Катя недовольно, – ты этого человека вживую в глаза не видел, только по телевизору. А судишь.

– Терпеть я таких, как он, не могу. Болтунов, – сказал Кравченко.

Катя вздохнула – «драгоценный» был весь в этой фразе. Любая сильная и яркая личность мужского пола вызывала в нем неумное агрессивное желание помериться с этой самой силой и победить. А если это было никак невозможно, оставалось только одно – не переваривать.

– Что-то мне снова резко расхотелось отпускать тебя одну в эту глушь, – сказал Кравченко, пристально глядя на Катю, – что-то ты уж слишком этим типом заинтересовалась.

– Павловский был на свадьбе Антона Хвощева, он хороший знакомый его отца и Чибисова, их сосед, – ответила Катя. – И вообще, я не понимаю тебя...

– Ладно заливать. Не понимаю... Все ты понимаешь. – Кравченко вздохнул. – Ой, маманя моя родная, а самое-то главное – забыл!

– Что? – испугалась Катя.

– Кто же мне завтраки-ужины готовить теперь будет? Кто отбивные пожарит, курочку в духовке запечет? Умру я бедный, несчастный, сдохну от жестокой голодухи.

– Не умрешь, – обнадежила Катя. – Я полный холодильник тебе еды оставляю. Борщ сварила на два дня. Мясо замариновала. Мне в воскресенье привезешь мороженого – сумка-холодильник в чулане... И чистое постельное белье не забудь. Я пока взяла с собой только один комплект для себя.

Удивительно, но эта невинная фраза подействовала на Кравченко успокаивающе, и дальнейшие сборы проходили в атмосфере мирного сотрудничества и редкого взаимопонимания.

Из Москвы на этот раз Катя выехала в два часа дня и около пяти уже подъезжала к знакомой автозаправке у деревни Журавка. Вела машину Катя снова с трудом и трепетом сердечным, но все же ехать в Славянолужье во второй раз было намного легче, чем в первый. Участковый Трубников уже маячил на обочине.

– Здравствуйте, Николай Христофорович, – приветствовала его Катя. – Как видите, я снова у вас. И теперь, наверное, задержусь подольше.

Трубников поздоровался. В глазах его сквозило недоумение. Участковому было непонятно: отчего это его непосредственное начальство и шеф отдела убийств Колосов так настой-

чиво присылают к нему в район эту самую Екатерину Сергеевну. Женщинам в милиции, по глубочайшему убеждению Трубникова, было не место. А уж подпускать их к оперативной работе по раскрытию убийства вообще нельзя было на пушечный выстрел. А тут вдруг сверху дождем сыпались строгие ЦУ «оказать капитану милиции Петровской-Кравченко всю необходимую помощь и содействие».

В результате после нового звонка Колосова Трубникову пришлось сломя голову мчаться на мотоцикле в Татарское, чтобы на скорую руку договариваться с учительницей Брусникиной о сдаче летней половины дома до конца июля, потому что Колосов настоятельно просил поселить Екатерину Сергеевну именно в Татарском. С «дачей» все, к счастью, устроилось. В это лето дом Брусникиной пустовал. Семья ее сына, постоянно проживающая в Ясногорске, в этот год не приехала. Мать с отцом не пустили на каникулы в Татарское даже младшего внука Брусникиной Дениску. Не было в это лето дачников и из Москвы.

– Что ж, это гора с горой не сходится, а человек с человеком даже чаще, чем думаешь, – сказал Трубников Кате. – Рад вас видеть. Провожу до Татарского, устроиться помогу.

– Спасибо, но, если у вас время есть, Николай Христофорович, давайте немного по окрестностям попутешествуем. В прошлый раз я не очень в детали вникала и, как оказалось, напрасно. А сейчас я с собой карту взяла, но... С вашей помощью мне легче будет сориентироваться и все нужное запомнить, чтобы уж потом дорогу находить и вас не беспокоить.

– Ладно, все равно мимо поедem, – согласился Трубников.

Когда он втиснулся в машину, Катя ощутил запах дешевой туалетной воды. Участковый на этот раз ею явно злоупотребил.

– День-то какой сегодня хороший, – сказал он, снимая фуражку и вытирая ладонью лоб. – Но парит. Как бы опять грозы не было... К Чибисовым-то что же, снова завтра поедem?

– Следователь прокуратуры к Полине в эти дни приезжал? – вопросом ответила Катя.

– Был. Только и у него ничего опять не вышло. Адвокат Чибисовых тоже бился-бился, все без толку. Молчит девчонка. Особо-то наседать на нее они побоялись, как бы опять какого покушения на суицид не вышло. Так что никаких пока просветов в деле, кроме... Из райотдела нашего опера приезжали Филина с друзьями проверять на причастность к нападению. Так и тоже ничего: Филин-то еще в апреле за грабеж осужден Серебрянопрудским судом, а приятели его...

– Кто такой Филин? – удивленно спросила Катя. – Это кличка, что ли?

– Не кличка, а фамилия. Филин Володька. История у нас тут одна была в мае прошлого года с этим самым Филиным и Полиной Чибисовой. Да вы что же, не знаете ничего, да?

– Николай Христофорович, откуда же я могу что-то знать, если никто мне ничего толком не говорит! – раздраженно воскликнула Катя. – Что случилось в мае?

– Прошлый год у нас богат был на события разные, – загадочно сказал Трубников. – Короче, в праздники это случилось – на День Победы. Полина из Москвы приехала погостить. По вечерам они частенько с отцом и Кустанаевой на конную прогулку ездили. А в тот вечер так случилось, что к Чибисову гости понаехали, ну Полина и отправилась кататься на лошади одна. Она в седле-то крепко держится и с конем умеет обращаться. Михал Петрович ее с детства к лошадям и конюшне приучал. Ну, ехала она себе, каталась, да на парней рогатовских и наткнулась: Филина Володьку и компанию его. Морозов там был, потом Косарев из Журавки и Князев Пашка. Этот вообще пацан еще – малолетка, а те уж взрослые. И к тому же пьяные были в стельку по случаю праздника. А Филин еще и судимый за хулиганку. Ну, конечно, прицепились они к дочке Чибисова по пьянке – лошадь под уздцы схватили, остановили, Полине водки стали предлагать, она отказалась. А они с седла ее начали стаскивать. В общем, не поздоровилось бы ей, если бы не Павловский.

– Павловский? – переспросила Катя с любопытством.

– Он мимо ехал, услышал возню, крики. Подоспел. Пьяниц рогатовских в речку покидал, Филину рожу разбил, и поделом. Полину домой отвез. Вот такая история... Дочке-то Чибисова что-то не везет с историями-то этими, да... Ну а тогда все обошлось. Чибисов шума не стал поднимать. Парни-то рогатовские, как протрезвели маленько, сами пришли, прощение слезно просили, ну чтоб не заявляли на них в милицию и с работы чтоб не увольняли. Чибисов не их, конечно, пожалел – черт бы с ними совсем, с хулиганьем, Полину ему не хотелось в уголовное дело ввязывать. Ну и спустили все на тормозах. Я с ними свою профилактическую работу провел – запомнили надолго. Тем дело и кончилось тогда. А сейчас в связи с убийством эпизод этот снова всплыл. Опера приехали всю эту гоп-компанию снова трясти, проверять. Только проверять-то некого. Филин сел, Косарева этой весной в армию забрали. Морозов женился, дочка у него родилась. Как раз в ночь убийства Хвощева он жену в роддом отвозил, так что алиби у него. Остается один Князев Пашка – а он сопляк. Ну, будут его, конечно, проверять. Да только пустая это трата времени.

– Значит, выходит, что в тот раз Павловский спас Полину? – спросила Катя.

– Выходит так. С тех самых пор они и познакомились, – ответил Трубников, и голос его прозвучал как-то особенно загадочно, что снова заставило Катю насторожиться.

– Ну, вот смотрите достопримечательности наши, – указал Трубников в окно. – Поля эти мы с вами в тот раз проезжали. Там видите справа – это Лигушин лес.

– Лягушки там водятся?

– Нет, эти поганки у нас больше по весне в бучилах-оврагах в пении упражняются. А в лесу малина да черника, грибы пошли сейчас после дождей. Брусникина, к которой едем, грибы собирать мастерица, солить, жарить, мариновать. Лисичками вас угостит в сметане, если понравится ей, да... А в лесу лет пять назад медведя видели в малиннике. Я даже в дозор ходил, в засаду сядился с табельным оружием. Да не подкараулил медведя-то. Видно, соврали бабы наши...

– Ой, смотрите, стадо! – воскликнула Катя, притормаживая.

Дорога, по которой они медленно ехали, вилась среди холмов. Вдали темнела полоса леса. На его опушке паслось большое стадо коров. Животные были темно-шоколадной масти, крупные, упитанные.

– Канадская порода, – сказал Трубников. – По привесу рекордсмены прямо.

– Чьи это коровы? – спросила Катя тоном кота в сапогах, ожидая услышать в ответ традиционное: «маркиза Карабаса».

– Бычки в основном, молодняк, – Трубников вздохнул. – Павловского да Туманова, они компаньоны по фермерству-то. Второй уж год компаньоны. Мясо у них оптом рестораны московские закупают. Очень даже выгодно. А называется как-то хитро...

– Эксклюзив? – невпопад подсказала Катя.

– Да нет. Мраморное вроде... Мясо мраморное. Прожилка там идет в мясе-то, жировая прослойка. Потому как корма даются особые, по канадской технологии.

– Поехали отсюда скорее, раз там в стаде одни быки, – испугалась Катя. – У нас ведь машина красная.

– Не бойтесь, не тронут, они животные смирные. Кормленные. Да к тому же половина-то волы – достоинство их мужское им ветеринар оттяпал, – хмыкнул Трубников.

Проехали еще немного, и лес и стадо остались позади. Показался знакомый берег Славянки.

– К Татарскому подъезжаем, – сообщил Трубников. – Чтоб вы знали: поле, где Хвощева-то убили, во-он оно, видите? Полтора километра всего отсюда. А там вон, за рекой, – тоже поля. Только область там уже Московская кончается и начинается Тульская.

– Граница, что ли, близко? – усмехнулась Катя.

– Да. Это я так, к слову, чтоб вы знали.

Катя на этот туманный намек в этот раз не обратила внимания. А позже вспомнила и пожалела, что сразу же не растормошила участкового, не расспросила его об этом подробно.

– А чьи это дачи вон там? – Она показала Трубникову на дома за высокими заборами, стоявшими на берегу реки. Один дом был из красного кирпича, другой деревянный с причудливой башенкой-террасой на крыше. Обширные участки домов примыкали друг к другу вплотную.

– Прежде, когда тут еще колхозы кругом были, располагался на этом самом месте филиал опытной семенной станции. А сейчас всю территорию под индивидуальное строительство отдали. Кирпичную дачу себе художник Бранкович построил. Вы его самого в прошлый раз видели. А на соседнем участке Павловский живет – он само здание опытной станции перестроил, надстроил по своему вкусу, и отличный, знаете ли, дом получился. Здесь инфраструктура-то хорошая – и газ, и вода, и свет подведены, оттого тут и строятся люди. Вон там, видите, тоже домик вдалеке. Там актриса Островская проживает. Не такие, конечно, хоромы с наворотом, как у Бранковича, – все скромнее гораздо. И удобств особых нет, но жить можно. А вон там, еще подальше, – домик голубой в саду яблоневого – это учительницы Брусникиной. Муж ее покойный как раз этой самой селекционной станцией и заведовал. Потому и участок им здесь в середине шестидесятых выделили, и дом построили. Муж-то ее агроном был известный на всю страну, ученый-селекционер. Я его хорошо помню, старика, – на Толстого был похож Льва Николаевича. Вера Тихоновна, к которой мы едем, – его вторая жена была. Из городских. Полюбила его и жить сюда из Тулы переехала. Учительницей в местной школе стала – историю преподавала и литературу. Что скрывать – я сам у нее когда-то учился. Сейчас она на пенсии уже, но в школе все равно преподает. Потому как учителей стало не хватать. Да и учеников тоже. В мое время тут у нас по три класса было – «А», «Б» и «В», а сейчас еле-еле на один «А» ребятишек из окрестных поселков набирают, да и то только до пятого класса. Народ весь поразъехался. И уезжать продолжают. Тут-то у нас хоть работа есть в агрофирме для тех, кто здесь живет. А в других районах, как послушаешь, все в город рвутся. Особенно молодежь.

Из всего, что Трубников рассказывал о Брусникиной, Катя для себя пока уяснила только одно: пожилая учительница – типичный представитель редкого в прошлом, а ныне почти уже совершенно исчезнувшего сословия настоящей сельской интеллигенции. А значит, человек здравомыслящий и умный, к словам которого стоит прислушаться.

Дом Брусникиной по самую потемневшую от дождей шиферную крышу утопал в густом и тенистом яблоневом саду. Яблони были старые, рослые и, как пели прежде в песнях, – «кудрявые». У калитки росла яблоня-грушовка. Ветки ее клонились к земле, перевешивались через забор на улицу, соблазняя прохожих россыпью мелких зеленых плодов. Забор был ветхий, местами покосившийся. К дощатой калитке снаружи была прибита подкова на счастье.

– Вера Тихоновна, принимайте гостей! – зычно выкрикнул Трубников, вылезая из машины и с наслаждением разминая затекшие ноги. – Вот тут и поселитесь, Екатерина Сергеевна, – объявил он Кате. – Дом просторный, сад, одно только неудобство... Въездных ворот, как видите, нет. Машину вам тут придется ставить – снаружи.

– Не беда, – бодро сказала Катя, а сама тут же вспомнила роговского Филина и его «гоп-компанию».

Трубников толкнул калитку, но она оказалась заперта.

– Вера Тихоновна, это мы! – оповестил он сад и дом.

Ответом было молчание.

– Странно, у нее ж собака, а сейчас чего-то не слышно ее. – Трубников сильно постучал в калитку.

Катя разглядывала дом, где предстояло ей жить ближайшие дни. Это был обычный сельский дом, каких тысячи в Подмосковье, – приземистый, вросший фундаментом в землю, бревенчатый, обшитый вагонкой, выкрашенной в небесно-голубой цвет. Дом окружали две

терраски. Одна побольше, попросторнее – хозяйская, зимняя, с двойными рамами. Другая маленькая, летняя, для дачников. Второй этаж был похож на скворечник – крохотная мансарда с окном, смотрящим на реку. В общем, вид у домика был довольно симпатичный – чистенький, уютный, без затей. И уж совсем не походил он на мрачную избу на курьих ногах, которую все последние дни рисовало в качестве конспиративной квартиры изошренное Катино воображение.

В таком домике и правда хорошо было летом отдыхать, бить баклуши, пить на террасе чай с клубничным вареньем, слушать, как шумит яблоневый сад и поют на заре птицы. Лениво наблюдать, как среди кустов смородины шныряют соседские кошки и каждое утро то тут, то там на грядках появляется новый песчаный холмик – результат подрывных работ жуликов-котов. Но заниматься в таком безмятежном пряничном домике раскрытием убийства, жертву которого, по словам судмедэксперта (да Катя и сама видела), «буквально растерзали на части», было, казалось, делом совершенно безнадежным. И от этого на душе у Кати снова стало неспокойно – пасторальные декорации вызвали смутную глухую неприязнь: «Что, уюта захотела? Знаешь, где он, твой уют?»

Катя усилием воли стряхнула наваждение мрачных ахматовских строк. Ладно, там будет видно. Трубников продолжал стучать в калитку.

– Сейчас, сейчас, слышу, иду! Кто там? – донеслось из глубины сада.

– Вера Тихоновна, это я, Николай, – громко сообщил Трубников. – Стучу вам, стучу...

– А я в сараюшке разбиралась, банка с купоросом куда-то запропастилась. – Калитка со скрипом распахнулась, и Катя увидела Брусникину. На вид ей было за шестьдесят – рыхлая, бледная, с усталым, покрытым сеткой мелких морщин лицом. Седые волосы на затылке собраны в жидкий пучок, на лбу – очки с толстыми стеклами. Одета Брусникина была в домашнее летнее платье из серого ситца в мелкий цветочек, явно сшитое по выкройкам какой-нибудь местной портнихи.

– Здравствуйте, милости прошу, – сказала она тихим бесцветным голосом, впуская Трубникова и Катю во двор. – А я вас с утра дожидаясь.

– Добрый вечер, Вера Тихоновна, – Катя была сама вежливость и скромность. – Вот, если не стесню, разрешите пожить тут у вас дней десять. Вот деньги за дачу.

– Вас как звать? Екатериной Сергеевной? – спросила Брусникина, забирая деньги.

– Пожалуйста, зовите меня просто Катей.

– Ну, просто Катя... проходите, комнаты смотрите. Или вам комнаты мои сразу, не глядя, подошли?

– Вера Тихоновна, я ж говорил, объяснял вам, – смущенно кашлянул Трубников.

– Да помню, помню, Коля, из ума-то еще не выжила, – Брусникина покачала головой, разглядывая Катю. – Какая вы молоденькая, ай-яй-яй... Я думала, что... ну, это неважно. Проходите, Катя, в дом, располагайтесь. С вами и мне, старухе, спокойнее... Вы что же, из милиции или этой, что раньше КГБ была, структуры?

– Я из милиции, – ответила Катя.

– А я думала, из этой самой... Они вроде сейчас такими вещами у нас занимаются, как в газетах пишут.

– Какими вещами? – спросил Трубников настороженно.

– Явлениями, – сказала Брусникина. – Я тут по телевизору все «Секретные материалы» смотрела. У них-то в Америке тоже не полиция такие вещи исследует, а специально подготовленные люди.

– Вера Тихоновна, а собака-то ваша куда подевалась? – спросил Трубников, явно пытаясь перевести разговор на другую тему.

– Сгинула. – Вера Тихоновна заботливо отвела от лица зазевавшейся Кати яблоневую ветку – они шли по дорожке к дому.

– Как сгинула? – удивился Трубников. – Я ж вчера приезжал днем – меня ваша дворняжка облаяла еще от самой калитки.

– То вчера, а то сегодня, – Вера Тихоновна говорила медленно. – Ночью я проснулась. Слышу, Тузик мой лает, с цепи рвется. Встала я, в окно посмотрела. Только вон у меня какие заросли тут – ничего не увидела. А выходить, разбираться, что там, не стала. Легла. А Тузик лаем исходит, прямо бесится. Потом слышу – звяк, цепь оборвал. Утром вышла – нет его нигде. Звала, звала, кричала, кричала...

– Он кобель у вас, Тузик-то, – сказал Трубников. – А все на цепи сидел. Поневоле сорвешься, на луну завоешь. Может, лису почуял или хорька... Ничего, набегается – придет.

Они вошли в дом.

– Вот, пожалуйста. Тут у меня летом внуки живут, сын со снохой, – Брусникина открыла дверь.

Внутри все было так же чистенько и пасторально, как и снаружи: терраса с круглым столом под традиционным сельским абажуром, просторная горница с большой печью-голландкой и пузатым диваном с тугими «турецкими» валиками и подушками, какие Катя видела только в фильмах пятидесятих годов. Посреди горницы стоял еще один круглый стол, заваленный газетами, книгами, тетрадями. На газетах лежало неоконченное вязанье. С бревенчатой стены над диваном смотрели на гостей мишки с репродукции картины Шишкина. В простенках между окнами висело купеческое зеркало, портрет Льва Толстого в рамке и фотография какого-то старичка, в котором Катя лишь через несколько дней признала ученого Мичурина, и то только прочтя микроскопическую пояснительную подпись под снимком. Соседняя комната была спальней, но, кроме пухлой старческой кровати, были там еще и самодельные книжные стеллажи, и письменный стол. А на нем черный старинный микроскоп и какие-то склянки с притертыми пробками. И все это чистое, без малейшей пылинки, словно хозяин их только на минуту оторвался от работы, чтобы встретить непрошенных гостей. Над кроватью красовалась большая свадебная фотография под стеклом: дородный мужчина в очках, с окладистой профессорской бородой и рядом с ним тоненькая юная блондинка в белом платье колоколом по моде пятидесятих. Разница между новобрачными была лет в двадцать, никак не меньше.

– Мой покойный муж, – просто сказала Брусникина и, повернувшись к висевшим в красном углу спальни иконам, перекрестилась. – А вот ваши комнаты.

Кате досталась та самая маленькая летняя терраска – вся из сплошных окон с рейками крест-накрест и комнатка-пенал с диванчиком, ночным столиком и комодом. С терраски узкая лестница вела вверх, в мансарду. Но дверь туда была закрыта на железный крючок.

– Я туда редко хожу, – сказала Брусникина, – на лестнице голова кружится, упасть боюсь. Но если вам надо будет – можете и туда подняться. Только там у меня хлам разный.

– Ну, устраивайтесь, обживайтесь, – Трубников сходил к машине и принес сумку с Катиними вещами. – Отдыхайте с дороги. Завтра я к вам загляну.

– Николай Христофорович, а у вас телефон есть, чтобы мне с вами связываться? – спросила Катя.

– В опорном есть, конечно, – Трубников усмехнулся, – а мобильника нет, уж извиняйте. Начальство у нас в отделе на такие вещи жила жилой. Да вы не волнуйтесь. Живу я тут близко – всего в двух километрах, в Столбовке. По берегу вон в ту сторону пойдете, ко мне и выйдете напрямки. Потом у вас, Екатерина Сергеевна, машина, у меня мотоцикл, уж как-нибудь друга достигнем.

– Хотите я вас подброшу до дома? – предложила Катя.

– Нет, спасибо. Вы отдыхайте. А мне тут еще в одно место поблизости надо заглянуть, порядок проверить, – сказал Трубников. – Ну, счастливо оставаться. Вера Тихоновна, бывайте здоровы.

Катя проводила участкового до калитки. Потом вернулась в дом, начала разбирать вещи, достала полотенце и решила умыться с дороги.

– Умыться? Пожалуйста, – засуетилась Брусникина. – Вот раковина-то где у меня, проходите, а тут кухня... Может, печь затопить, котел нагреть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.